

М

Международная ассоциация содействия правосудию
International Union of Assistance of Justice

Бюллетень
Международной
ассоциации
содействия правосудию

2010 № 2 (4)

Научное издание

С

П

Уголовный процесс
Криминалистика
Оперативно-розыскная деятельность
Судебная власть
Прокурорский надзор
Организация правоохранительной деятельности

*Бюллетень МАСП
2010 № 2 (4)*

Редакционная коллегия:

проф. В. С. Балакшин
проф. В. М. Бозров
проф. Л. М. Володина
проф. А. П. Гуськова
проф. А. А. Давлетов
проф. Л. Я. Драпкин
Л. А. Зашляпин
доц. К. Б. Калиновский
проф. А. В. Кудряцева
проф. З. В. Макарова
проф. А. Д. Прошляков
проф. А. В. Смирнов
проф. И. Н. Сорочотягин

Председатель редколлегии

Л. Я. Драпкин, д-р юрид. наук,
проф. кафедры криминалистики УрГЮА,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник прокуратуры РФ,
член Международной ассоциации
содействия правосудию

Редактор-координатор

Л. А. Зашляпин, канд. юрид. наук,
преподаватель кафедры
криминалистики УрГЮА,
почетный адвокат РФ,
член Международной ассоциации
содействия правосудию

620149, Екатеринбург, а/я 294,

zash@mail.ur.ru

8-908-6350016

<http://zash.web.ur.ru>

Выпускающий менеджер

Т. Г. Мусина

8-904-9898353

vip-ural@yandex.ru

Редактор *Т. А. Федорова*

Оригинал-макет *Л. А. Хухаревой*

Подписано в печать 06.08.2010.

Формат 70 × 100/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6,48.

Гарнитура Academy.

Тираж 600 экз. Заказ

Отпечатано в типографии «Аграф»

620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 3–706.

Издание инициировано в 2009 г.
уральскими членами МАСП
(профессорами и преподавателями
кафедры уголовного процесса УрГЮА),
осуществлено авторами
на собственные средства.
Бюллетень распространяется авторами

Издание бюллетеня осуществлено
при поддержке сайтов <http://iuaj.net>
(Международная ассоциация содействия
правосудию, Санкт-Петербург)
и http://community.livejournal.com/uro_masп
(Уральское отделение Международной
ассоциации содействия правосудию,
Екатеринбург)

Точки зрения, представленные в статьях,
являются научными позициями авторов
и могут не совпадать с точками зрения
членов редакционной коллегии,
координатора и инициаторов
издания бюллетеня

Копирование и распространение бюллетеня
и статей бюллетеня в любой форме
запрещается. Публикация статей иными
изданиями может осуществляться
только в соответствии с полномочиями,
полученными от авторов статей и составителя
в порядке, установленном
гражданским законодательством

© МАСП, 2010

Содержание

[От редколлегии]..... 5

Материалы конференции

«Эволюция криминалистики: дидактика и наука»

<i>Белкина К. Ю., Запляпин Л. А.</i> Криминалистическая фотография: новое для преподавания	6
<i>Волохова О. В.</i> Современные методы обучения криминалистике — путь к повышению профессионализма	9
<i>Драпкин Л. Я.</i> Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система	14
<i>Жеребина Д. С., Запляпин Л. А.</i> О модернизации преподавания тактики допроса обвиняемого	25
<i>Фомина И. А.</i> Методики расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений: особенности преподавания	27
<i>Шаповалова Г. М.</i> Информационные технологии: новое учение в криминалистике	31
<i>Щедрин К. С.</i> Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в районах вооруженного конфликта	33

Материалы конференции

«Диалектика уголовного процесса»

<i>Александрова Л. А.</i> Сделка и соглашение при производстве по уголовным делам	39
<i>Балеевских Ф. В., Бердышев А. Н.</i> Диагностика достоверности показаний допрашиваемого в уголовном процессе	44
<i>Белоковьяльский М. С.</i> Проблемы проверки и оценки допустимости доказательств в суде присяжных	47
<i>Давлетов А. А., Азаренок Н. В.</i> Проблемы реализации права на квалифицированную юридическую помощь	56

<i>Ильин А. П.</i> Диалектика судебных действий по ходатайствам о признании доказательств недопустимыми	60
<i>Казаков А. А., Казаков А. И.</i> К вопросу о правовых презумпциях	65
<i>Мартышкин В. Н., Гавин А. С.</i> Компетентность судьи — гарантия эффективной защиты личности от необоснованного заключения под стражу	68

*Материалы критической направленности
(рецензии и отзывы)*

<i>Зашляпин Л. А.</i> Перспективы правопорядка в случае нейтрализации деятельности невластного субъекта уголовного процесса. <i>Рецензия на монографию Ю. П. Гармаева «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации»</i>	76
[О следующем номере]	80

Уважаемые коллеги!

Следуя свободе научного творчества как конституционному правилу, реализуя собственную научную активность на базе уникального научного сообщества, объединяющего отечественных ученых в области криминалистики, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, судебной власти, прокурорского надзора, организации правоохранительной деятельности, а также ученых-юристов из зарубежных стран, выпущен в свет очередной номер нашего собственного научного журнала.

Известный ученый К. Бернар утверждал: «Искусство — это “я”; наука — это “мы”». Пожалуй, это суждение можно применить и к нам, членам МАСП и авторам, участникам настоящего издания. Мы в летний период, изобилующий иными искушениями и преградами для научного творчества, объединили усилия и средства представителей теории криминалистики, уголовного процесса и практиков (судей, следователей, адвокатов), результатом чего явился представляемый вам номер научного издания.

Отныне журнал предстает перед вами в измененном виде. Утратив региональный статус, он издается теперь от имени МАСП, что надо воспринимать как очередной знак модернизации.

Содержание номера составляют материалы предварительных конференций МАСП «Эволюция криминалистики: дидактика и наука», «Диалектика уголовного процесса» (Екатеринбург, 4 сентября 2010 г.), предваряющих международную конференцию МАСП «Уголовная юстиция: связь времен» (Санкт-Петербург, 6–8 октября 2010 г.). Кроме того, в номере присутствует раздел критической тематики, являющийся неотъемлемым признаком любого научного издания.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество

Л. Я. Драпкин, Л. А. Запляпин

Материалы конференции «Эволюция криминалистики: дидактика и наука»

К. Ю. Белкина, Л. А. Зашляпин

Криминалистическая фотография: новое для преподавания

Идущая в настоящее время дискуссия о предназначении криминалистики выделяет ее прагматический аспект: криминалистика как учебная дисциплина¹. Один из моментов, требующих отражения в образовательной деятельности, связан с изобретениями, касающимися криминалистической фотографии. При этом надо отметить, что тематика криминалистической фотографии настолько традиционна, что уже не включается в учебники, вероятно на основании предположения об обеспеченности учебного процесса имеющимися дидактическими материалами².

Ксения Юрьевна Белкина,
выпускница института прокуратуры
Уральской государственной юридической
академии

Леонид Александрович Зашляпин

Конечно же, криминалистическая (судебная) фотография является традиционной темой. Ее развитие обеспечивалось изобретениями Л. Ньепса и Л. Дагера, прошло эволюцию от дагеротипов до пленочной (негативной) фотографии с последующей позитивной печатью на фотобумаге. Способность фотопленки фактически идентично запечатлеть изображение раз-

¹ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iauaj.net/node/342>

² См.: Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика : учеб. М., 2007.

личных объектов обусловило использование фотографии в качестве дополнительного способа фиксации результатов осмотров мест происшествий, предметов, лиц, документов в уголовном процессе. В связи с этим многие поколения студентов, изучая криминалистику, делали так называемые фотоальбомы, используя 35-миллиметровую фотопленку, что диктовало основной способ изучения темы «Криминалистическая фотография», формируя необходимую криминалистическую компетенцию.

В последние десятилетия в досудебном производстве следователями и специалистами экспертно-криминалистических подразделений активно применяется цифровая фотосъемка, суть которой — в образовании изображения на цифровой матрице, заменяющей фотопленку. Принцип формирования и хранения изображения при этом существенно отличается от традиционного, а главное такая фотография не соответствует тем качествам, которые и предопределили ее использование в уголовном процессе. Возникла коллизия, когда в курсе криминалистики студенты изучают фотографию, преимущественно основанную на пленочном фотопроцессе, а на практике применяют цифровую фотосъемку.

Возникшая ситуация характеризуется следующими обстоятельствами.

1. Цифровые фотоаппараты являются автоматизированными компьютерными устройствами, позволяющими производить фотосъемку даже лицам, не знающим основ общей фотографии. Одновременно изменился и процесс фотопечати, процесс фотографирования существенно ускорился и упростился, что для криминалистов-практиков очень важно.

2. Однако это привело к тому, что цифровая фотография (вернее файл) утратила свойство бесспорной истинности. Если в пленочной фотографии аналоговость фотоизображения и реальности очевидны, то в цифровой — лишь предположение. За аналоговость — соответствие фотографии (как образа запечатленной действительности) прообразу (реальной действительности) — и ценилась криминалистическая фотография. В цифровой

фотографии это качество утрачено. Легкость фотосъемки и фотопечати привела к отрицанию существа криминалистической фотографии — ее фиксирующего значения.

Правилом криминалистической фотографии при пленочном фотопроцессе является приложение к материалам дела негатива, повторное изготовление отпечатков с которого позволяет проверить истинность изображений на фотографиях. Вмешательство в негатив без отражения этого вмешательства на фотоотпечатке невозможно. Модификация файла, содержащего изображение, возможна посредством программ — редакторов изображений типа FotoShor. Файл, как цифровой носитель информации, создающий визуальные изображения, легко можно удалить и модифицировать.

Данное обстоятельство пока игнорируется в преподавании криминалистической фотографии. На практике это ведет к упрощенчеству. Криминалистическая фотография в таком случае полностью утрачивает свое значение дополнительного (но при этом более информативного) средства фиксации (запечатления следов и обстановки предполагаемого криминального события), приобретает иллюстративный характер и не имеет криминалистического смысла.

Однако ситуация в настоящее время революционно изменилась. Связано это с созданием новой карты памяти для хранения изображений, получаемых с помощью цифровых фотоаппаратов. Данная карта SanDisk SD WORM допускает однократную запись файлов («write once read many»). Она уже применяется в полиции Японии как средство для архивирования (до 100 лет) фотоматериалов по уголовным делам, *исключаящее их удаление и модификацию*³. Карта памяти (вместо негатива) может быть приложена к материалам уголовного дела, а файлы могут повторно воспроизводиться в ходе расследований иных уголовных дел, судебного следствия. По этой

³ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sandisk.com/business-solutions/sd-worm>

причине данная флеш-карта прежде всего предназначена для целей криминалистической фотографии и не реализуется частным лицам.

В связи с важностью данного изобретения для криминалистической фотографии данное обстоятельство (с настоящего момента) должно быть отражено в содержании соответствующей темы курса криминалистики. При этом требуется ее существенный пересмотр, поскольку отныне криминалистическая

фотография может быть построена на базе цифровой фотосъемки. Это требует переоборудования криминалистических полигонов вузов. Одновременно возникает новая связь между темами «Криминалистическая фотография» и «Криминалистическая регистрация», поскольку фотофайлы с новых флеш-карт допускают образование баз фотоизображений, в совокупности же с программами распознавания образов — их эффективную каталогизацию.

Современные методы обучения криминалистике — путь к повышению профессионализма

Образование в целом и высшее образование в частности всегда играло одну из основных ролей в развитии человеческого общества. В настоящее время, как говорится во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в.¹, перед образованием стоят огромные задачи, требующие его преобразования и обновления. Это обусловлено грандиозностью и темпом прогресса современного мира, в котором образование выступает важной составляющей культурного и социально-экономического развития. Кроме того, общество испытывает кризис ценностей, поскольку на первый план вышли экономические и рациональные соображения, отодвинув нравственность и духовность. Все это ведет к тому, что проблемы образования остаются в центре внимания не только философии и педагогики, но и других наук. И наиболее значимым остается вопрос «Что и как преподавать?».

Ольга Викторовна Волохова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры криминалистики Московской
государственной юридической академии
им. О. Е. Кутафина
O.Volochova@mail.ru

Конечно, в рамках статьи невозможно рассмотреть все аспекты поставленной проблемы. Поэтому ограничимся юридическим образованием и конкретно криминалистикой — одной из обязательных дисциплин юридического вуза.

В настоящее время получение юридического образования не представляет, на первый взгляд, трудностей, так как юристов выпускает практически любое высшее учебное заведение, в том числе и непрофильное. Но каких юристов мы получаем? Как правило, только поверхностно ознакомившихся с юриспруденцией. (Например, в одном из вузов криминалистика преподается до уголовного процесса и уголовного права.) Поэтому возникает ситуация с переизбытком представителей этой профессии и нехваткой специалистов и профессионалов. Все это свидетельствует о некачественности преподавания юридических дисциплин и слишком большом количестве вузов, выпускающих юристов. Безусловно, количество таких вузов нужно

¹ См.: Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dod.mie m.etu.ru>

сокращать. Однако это не в нашей компетенции. Качество же преподавания зависит непосредственно от педагогов, и в наших силах «поставить его на новые рельсы».

Преподавание криминалистики на современном этапе вызывает множество споров среди ученых². Одни говорят о слишком большой научности криминалистики, ее отставании от современных реалий, «инквизиционности». Другие вообще предлагают изъять криминалистику из программы университетов и отдать ее только в специальные образовательные учреждения, выпускающие сотрудников правоохранительных органов. С некоторыми мнениями можно согласиться, другие — вызывают споры. Поэтому важно провести грань между наукой криминалистикой и дисциплиной, преподаваемой в высшем учебном заведении. Эта грань в некотором смысле является условной, поскольку преподавание дисциплины невозможно без знания научных основ, а развитие науки не представляется возможным без анализа практических проблем. Основная задача науки криминалистики — способствовать своими разработками более эффективному, целенаправленному применению криминалистических рекомендаций, средств, методов в практической деятельности не только уголовно-процессуального характера, но и гражданского, арбитражного, административного процессов. Задача же дисциплины криминалистики — подготовить профессионала, способного применить полученные знания для решения практических задач. Из этого и вытекает, как мы уже говорили, проблема качества преподавания криминалистики.

Некоторые ученые обвиняют криминалистику в традиционности, «советскости», называя ее устаревшей³. Но традиции — великая сила,

своего рода музей науки. И не требует доказательств утверждение, что музеи и традиции являются гордостью нации. То же можно сказать и о криминалистике. Без истории невозможна ни одна наука. Однако все развивается, и современные условия диктуют новый подход к обучению, не отменяя при этом традиционные положения науки и дисциплины.

Одним из основных современных направлений в преподавании криминалистики является применение инновационных и интерактивных методов. Термин «interact» (взаимодействовать, влиять друг на друга) уже влечет за собой новшество в методике обучения. Ранее, при пассивной форме, студент выступал объектом обучения и должен был усвоить и воспроизвести материал, который донес до него преподаватель. Следовательно, цели такого обучения были направлены лишь на знание, включающее в себя заучивание, запоминание, воспроизведение и понимание, заключающееся в объяснении, переданном другими словами.

Интерактивные же методики предусматривают позицию студента как субъекта обучения, предполагающую более активный диалог с преподавателем, сотрудничество. Педагог при этом находится в роли более опытного организатора процесса обучения, обмена информацией, совместного решения проблемы, построения модели, оценки действий коллег. Соответственно и цели активной методики обучения значительно расширяются и включают в себя не только знание и понимание, но и применение (использование знания для решения практических задач), анализ (понимание причинно-следственной связи, выявление и фиксация ошибок), оценку и доказывание выдвигаемых положений⁴.

Проиллюстрировать данные положения можно на примерах применения интерактивных методов в ходе проведения семинарских занятий по криминалистике.

² См., напр.: Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики; Драпкин Л. Я. Совсем несмертные грехи проф. А. С. Александрова; Бахин В. П. Чему и кому служит криминалистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://community.livejournal.com/uro_maspp

³ См.: Там же.

⁴ Подробнее об этом см.: Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения / отв. ред. Л. А. Воскобитова, Л. П. Михайлова, Е. С. Шугрина. М., 2001.

А. *Направляемая дискуссия.* Задача преподавателя состоит в том, чтобы правильно поставить спорный вопрос, выделить определенную проблему, что позволит привлечь студентов к работе и повысит интерес к обсуждаемому вопросу.

Этот метод основан на следующих правилах:

- задавать вопрос нужно четко и ясно;
- ставить не больше одной проблемы в одном вопросе;

- не высказывать свое мнение.

Б. *Творческие (проблемные) задания.* Требуют от участников не просто воспроизведения информации, а творчества, так как содержат в своих условиях элемент неизвестности и имеют, как правило, несколько правильных ответов, причем часто правильный ответ неизвестен преподавателю.

Проблемное задание составляет содержание любой интерактивной методики. Вокруг него создается атмосфера деловой заинтересованности участников образовательного процесса. Такое задание, особенно если оно является практическим, моделирующим будущую профессиональную деятельность, придает смысл практическому обучению, мотивирует студентов. При изучении криминалистики примером творческого задания может служить следующая краткая фабула, по которой студенты выдвигают версии о субъектах преступления: при краже предметов одежды из сельского магазина на месте преступления оказалась чужая поношенная одежда — пальто, пиджак и брюки.

В. *Мозговой штурм.* Представляет собой метод для вовлечения всех студентов в анализ той или иной проблемы. Преподаватель задает вопрос всей группе и предлагает каждому высказать свои соображения (например, при изучении вопроса о криминалистических версиях, когда преподаватель предлагает краткую фабулу, а студенты выдвигают версии о мотивах, субъектах преступления и т. д.).

У этого метода свои правила:

- каждый может свободно высказать свое предположение;

- студенты высказываются по очереди, кратко и четко;

- любые предложения принимаются и одобряются;

- предложения не критикуются и не комментируются.

Второй этап мозгового штурма — обсуждение, классификация, отбор перспективных предложений. При применении этого метода положительный результат дает деление группы студентов на два лагеря: первый — генераторы идей (версий), второй — аналитики. «Мозговой штурм» часто сочетается с другими интерактивными методами, как правило начиная их.

Г. *Работа в малых группах.* Предоставляет всем участникам возможность действовать, практиковать навыки сотрудничества, межличностное общение. Начинать следует с групп из 2–3 участников, потом группу можно увеличить до 5–7 человек. Например, в группе из 5 человек роли можно распределить следующим образом: организатор (руководитель), секретарь, докладчик, хронометрист, наблюдатель, у каждого свои функции. В частности, руководитель организует работу группы; секретарь записывает результаты деятельности; докладчик после выполнения задания оглашает полученную информацию; хронометрист следит за отведенным временем; наблюдатель, выполняя свои функции, следит за тем, есть ли возможность высказаться каждому члену группы, готовы ли участники к компромиссу и сотрудничеству (есть ли в группе студенты, стремящиеся любыми путями навязать свою точку зрения), к поддержке сторонников близкого им мнения; готовы ли они слушать и слышать (говорят ли некоторые члены группы сами больше, чем прислушиваются к мнению остальных), участвовать в возникающем конфликте мнений и, следовательно, умолчать о конфликте или, наоборот, вынести его на общее обсуждение, есть ли у участников коммуникативные навыки: смотрят ли члены группы на собеседника, выражают ли согласие, соблюдают ли правила вежливости и такта. Примером работы в малых группах

при изучении криминалистики могут служить имитация работы в дежурной следственно-оперативной группе по предложенной фабуле преступления, планирование первоначальных следственных действий и последующий доклад результатов «начальнику следственного отдела».

Д. Ролевые игры. В них участникам предлагается сыграть определенные роли, например, при изучении вопроса, связанного с осмотром места происшествия.

Е. Интерактивное выступление. Публичное выступление — неотъемлемая часть работы юриста. Традиционно выступление представляется как монолог оратора. Но профессиональной задачей юриста является не столько поразить слушателей своим ораторским искусством, сколько добиться желаемого результата. В настоящее время это достаточно актуально в связи с введением в уголовно-процессуальное законодательство требования о получении санкции на заключение под стражу или проведение обыска в судебном заседании. Конечно, в большинстве случаев на практике с этой миссией выступает прокурор, но и следователь должен убедить последнего в необходимости данной меры.

В качестве тренинга для получения этого навыка можно использовать доклады, подготовленные студентами, при оглашении которых рекомендуется включать некоторые интерактивные методы. Например, использование в выступлении диалога, в ходе которого слушатели задают вопросы докладчику и получают на них ответы. Можно провести небольшую иллюстрирующую текст ролевою игру, разделение доклада на двух ораторов. Их периодическая смена способствует поддержанию внимания студентов.

Хорошие результаты при применении такого метода дает прием «студент в роли преподавателя», когда, заранее подготовившись или без этого, студент занимает место преподавателя и проводит занятие по обсуждению какого-либо вопроса по теме семинара. Разновидностью данного приема является способ «каждый учит каждого», при котором студен-

ты разбиваются на пары или небольшие группы и один из них поясняет остальным определенный вопрос, затем ораторы меняются и продолжается освещение других тем. В конце занятия преподаватель и студенты делают краткие обобщения, уточняют не до конца понятые вопросы.

Ж. Наглядные пособия. Данный метод кратко упоминался в рекомендациях по чтению лекций. Но и при проведении семинарских занятий он играет немаловажную роль. Здесь действует принцип «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». В качестве наглядных пособий могут выступать плакаты, таблицы, схемы, видеозаписи и т. д.

При использовании наглядных пособий преподавателю необходимо подготовиться к их комментированию, к ответам на вопросы об их происхождении, источниках информации, изложенных в иллюстрациях. Следует подумать о целесообразности использования наглядных пособий по каждой теме, возможной реакции студентов, чтобы они не чувствовали себя только зрителями и не увлеклись переписыванием текста с плакатов.

З. Займи позицию. Многие дискуссии становятся безрезультатными по причине того, что участники изначально не определились в своей позиции. Указанный метод помогает выявить имеющиеся мнения, увидеть сторонников и противников, начать аргументированное обсуждение проблемы.

Обсуждение начинается с постановки дискуссионного вопроса, например, при изучении криминалистики такими вопросами могут быть: «Вы за или против использования полиграфа при расследовании преступлений?», «Вы за или против доказательственной силы одорологической экспертизы?». Все участники, подумав над заданным вопросом, должны принять решение о своей позиции и занять место около одной из приготовленных табличек: «Абсолютно за», «Абсолютно против», «Скорее за», «Скорее против», расположенных в разных частях аудитории.

Заняв места, участники начинают обсуждение, уточняют свою позицию, высказывают

свои мнения, при этом любой участник может поменять свое местонахождение, если его убедила противоположная сторона.

Применение данных методов в учебном процессе имеет существенное значение, поскольку они направлены на приобретение студентами практических навыков работы юристов.

В заключение стоит остановиться на личности преподавателя. Криминалистика относится к разряду дисциплин, преподавание которых невозможно без наличия у преподавателя профессиональных навыков. Известно, что криминалистика наиболее тесно связана с уголовным правом и уголовно-процессуальным законодательством, которое можно охарактеризовать как форму, а криминалистику — как содержание. Какого же специалиста может подготовить педагог, сам не являющийся профессионалом своего дела? Только теоретика,

знатока различных взаимозависимостей, взаимообусловленностей и т. д., который явно не будет пользоваться спросом на профессиональном рынке труда. Думается, что при конкурсном отборе преподавателя предпочтение стоит отдавать претенденту, сочетающему или имевшему некоторый опыт профессиональной деятельности, учитывая, конечно, и его научные, теоретические способности и направления.

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что традиции были и остаются одной из составляющих как науки, так и дисциплины криминалистики. Без их знания невозможно подготовить полноценного юриста. Вместе с тем введение в процесс обучения новых методик преподавания дает возможность получить разностороннего специалиста, конкурентоспособного профессионала, умеющего применять на практике полученные теоретические знания.

Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система

Теория криминалистических ситуаций, несмотря на свою относительную молодость, прошла несколько этапов поступательного развития. Исходя из традиций, заложенных еще Г. Гроссом¹, первоначально исследовались и развивались теория следственных ситуаций, ее научные основы и практические выходы.

Первое определение следственной ситуации было предложено А. Н. Колесниченко, который понимает ее как «определенное положение в расследовании преступлений, характеризующее наличием... доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами его собирания и проверки»². В 1972 г. В. Е. Корноухов под следственной ситуацией понимал «объективно повторяемое положение в процессе расследования, обусловленное фактическими данными, которое определяет процесс обнаружения, собирания доказательств»³. Следует подчеркнуть, что, несмотря на вполне

объяснимую незавершенность этих определений, их нечеткость и фрагментарность, оба они правильно исходили из информационной позиции.

Формулируя понятие следственной ситуации, В. К. Гавло обоснованно отмечал, что она представляет «совокупность фактических данных, которые отражают существенные черты события... на том или ином этапе расследования преступлений»⁴.

Это определение также отражает информационную природу исследуемого понятия.

Иную позицию занял И. Ф. Герасимов, который под следственной ситуацией понимал «совокупность обстоятельств по

Леонид Яковлевич Драпкин,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук,
профессор кафедры криминалистики
Уральской государственной юридической
академии, член Международной ассоциации
содействия правосудию
leonid.drapkin@gmail.com

¹ См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908.

² Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. С. 10.

³ Корноухов В. Е. Основные положения методики расследования отдельных видов преступлений // Материалы научной конференции. Красноярск, 1972. С. 93.

⁴ Гавло В. К. О следственной ситуации и методике расследования хищений, совершаемых с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 90.

делу (обстановка, положение)». Тем самым автор полагал, что следственную ситуацию составляют реальные обстоятельства, подлежащие доказыванию, а не информация о них⁵. Правда, впоследствии он кардинально изменил свое мнение, рассматривая следственную ситуацию «как сложившуюся на определенный момент расследования... склонную к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценка...»⁶. Анализ этого определения дает полное основание утверждать, что его автор перешел на информационные позиции.

Необходимо особо отметить, что ученые, исследующие следственные, а затем и криминалистические ситуации, почему-то игнорируют то, что еще в 1967 г. А. Р. Ратинов предпринял глубокий анализ одной из разновидностей следственных (криминалистических) ситуаций, удачно рассмотрев основные аспекты возникновения и разрешения конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений⁷. Несколько позднее мною была защищена кандидатская диссертация «Построение и проверка следственных версий», в которой, а также в ряде статей, основное внимание уделялось другой разновидности следственных ситуаций — проблемным ситуациям⁸. Представляется, что именно эти работы и позволили сделать следующий значительный шаг в исследовании рассматриваемой проблемы. Авторы обеих этих работ придерживались информационной позиции, рассматривая и конфликтную, и проблемную ситуации как информационную модель реальных ситуаций.

В 1975 г. кафедра криминалистики Свердловского юридического института подгото-

вила и издала сборник научных трудов «Следственные ситуации и раскрытие преступлений», в статьях которого были рассмотрены многие аспекты методологии, тактики и методики следственных ситуаций. Именно с момента опубликования этого сборника началось интенсивное, продолжающееся и в наше время исследование многочисленных и сложных проблем теории следственных, а затем и криминалистических ситуаций.

В статье этого сборника «Понятие и классификация следственных ситуаций» мною были обоснованы их теоретическое значение и важнейшая роль в практической деятельности работников органов следствия и дознания, предложено определение следственной ситуации, выделены ее разновидности по различным логическим основаниям и сформулированы понятия основных из них (простые и сложные, проблемные и конфликтные, непроблемные и бесконфликтные и др.).

Авторами сборника были опубликованы статьи не только общетеоретического характера (Л. Я. Драпкин, Ф. В. Глазырин), но и по отдельным аспектам криминалистической тактики (В. С. Максимов, А. А. Филющенко, С. П. Сухов) и методики расследования отдельных видов преступлений (А. Д. Трубачев, А. П. Онучин, П. В. Гончаров). Следует особо подчеркнуть, что основная идея, своеобразная парадигма этого сборника заключалась в модельно-информационном характере следственных ситуаций. Однако степень адекватности этих моделей реальной ситуации, действительным, фактическим обстоятельствам дела может быть самой различной⁹. В то же время в цитируемой статье и других работах неоднократно подчеркивалось, что ситуации, складывающиеся по уголовным делам, включают объективный и субъективный аспекты. Поэтому их можно рассматривать в одних отношениях как реальные ситуации, а в других —

⁵ См.: Герасимов И. Ф. Принципы построения методики раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. С. 82.

⁶ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 173.

⁷ См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967.

⁸ См.: Драпкин Л. Я. Построение и проверка следственных версий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.

⁹ См.: Драпкин Л. Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 26–44.

как модели этих ситуаций. Формируя и реализуя свои многочисленные решения по уголовным делам, следователь с необходимостью исходит не из реальной ситуации, а из ее информационной модели, отраженной в его сознании.

Разумеется, было бы весьма желательно и оптимально, если бы следователи и сотрудники органов дознания могли планировать и осуществлять свою деятельность, руководствуясь только реальной ситуацией. Однако раскрывая и расследуя преступления, воздействуя на реальные объекты, проводя практические (предметные) действия и мероприятия, постоянно контактируя с различными носителями фактических данных, взаимодействуя с оперативными сотрудниками, экспертами и специалистами, следователь тем не менее вынужден непосредственно руководствоваться информационными *моделями* реальной ситуации. Хотя следователь действует в реальной ситуации, тем не менее это обстоятельство не дает никаких оснований называть эту ситуацию следственной. Прежде чем действовать, ему необходимо получить информацию о существенных свойствах (признаках, чертах) внешней (объективной) среды и создать ее адекватную (в той или иной степени) модель. Именно эту информационную модель и надо рассматривать как следственную ситуацию¹⁰.

Основные положения информационной теории следственных ситуаций поддерживал и развивал виднейший российский ученый-криминалист В. К. Гавло, который распространил некоторые положения на судебное производство с учетом его специфики¹¹.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Драпкин Л. Я.* Понятие и классификация следственных ситуаций. С. 28–29; *Его же.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 12–14; *Его же.* Основы криминалистической теории следственных ситуаций : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. 16–57.

¹¹ См.: *Гавло В. К.* Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение. Барнаул, 1998. С. 14–20.

Следует отметить, что большинство отечественных ученых-криминалистов в основном поддерживают и развивают информационно-модельную концепцию следственных ситуаций. Кроме упомянутых выше авторов к сторонникам этой концепции можно отнести Г. Л. Грановского, А. Н. Васильева, Н. П. Яблонова, О. Я. Баева, В. Н. Карагодина, А. А. Белякова, И. В. Александрова, В. И. Брылева, В. М. Бозрова, Г. А. Кокурина и многих других ученых. Следует особо подчеркнуть, что в своем фундаментальном учебнике «Криминалистика», вышедшем в 2009 г., профессор А. А. Эскархопуло определил следственную ситуацию «как состояние расследования преступления... обусловленное уровнем информированности следователя об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу и дающих ему основание для принятия обоснованных решений...»¹²

Подобный подход принят в психологии, педагогике, теориях игр и принятия решений, экономике и других научных дисциплинах, где давно считают, что под ситуацией, которую необходимо разрешить человеку, следует «правильно понимать не внешнюю ситуацию, а ситуацию для субъекта»¹³.

В свете изложенных выше положений, отражающих общенаучный подход к ситуациям, разрешаемым человеком в практической и научной деятельности, подход, принятый фактически всем научным сообществом, весьма странной и непонятной представляется ошибочная позиция некоторых ученых-криминалистов к определению следственной ситуации, отрицающая ее модельно-информационный характер и отрывающая субъект познания от исследуемого объекта. Так, профессор Р. С. Белкин рассматривал эту криминалистическую категорию только как совокупность *реальных объективных условий*. «Следствен-

¹² См.: *Эскархопуло А. А.* Криминалистика : учеб. СПб., 2009. С. 679–680.

¹³ *Балл Г. А.* О психологическом содержании понятия «задача» // Вопр. психологии. 1970. С. 75–76.

ная ситуация, — полагал он, — это совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т. е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания»¹⁴.

Да, следователь действует в реальной обстановке, но это не дает ни малейших оснований называть эту обстановку следственной ситуацией. Прежде чем действовать, нужно собрать, проверить и хотя бы предварительно оценить доказательственную и иную информацию о существенных свойствах и признаках внешней среды (в которой действует следователь), создать ее адекватную (в той или иной степени) модель (мысленную, письменную, знаковую), выдвинуть версии, разработать тактические и иные решения и реализовать их. Именно поэтому информационную модель, созданную следователем, которой он руководствуется в своей деятельности, и надо называть следственной ситуацией. Исследуя процесс доказывания, великий мыслитель XIX в. Г. Гегель отмечал: «Доказывание есть вообще опосредствованное познание. Разные виды бытия требуют или содержат каждый свой особый вид опосредствования...»¹⁵ Тем самым Г. Гегель подчеркивал информационный характер процесса доказывания (расследования), поскольку «опосредованное знание — это знание, получаемое через посредство других знаний»¹⁶. В свете этих положений более чем странно выглядит мнение Р. С. Белкина о том, что следственная ситуация носит «внешний» по отношению к процессу расследования характер, тем самым отрывая следственную ситуацию от ее творца — следователя.

Можно сделать вывод, что позиция Р. С. Белкина и его сторонников является не только ошибочной в теоретическом плане, но и ничего не дающей практике, поскольку она

не вписывается в такие важнейшие криминалистические теории, как учения о версиях, планировании, криминалистической характеристике преступлений, и другие информационно-модельные теории, составляющие сердцевину нашей науки.

Необходимо отметить, что, будучи выдающимся советским и российским ученым и криминалистом мирового масштаба, Р. С. Белкин в ряде своих последних работ фактически отказался от прежней позиции, придя к выводу о том, что между двумя концепциями следственной ситуации нет противоречий и что хотя следователь ведет расследование в реальной обстановке, судить о ней он может лишь по ее информационной модели, т. е. по тем сведениям, которые находятся в его распоряжении. Несколько позднее Р. С. Белкин пришел к аналогичному выводу и в другой своей работе, подчеркнув, что «познание следственной ситуации как объективной реальности и заключается в построении информационной модели, отражающей результаты этого познания»¹⁷. И наконец, еще в одной работе проф. Р. С. Белкин подчеркнул, что хотя следователь действует в условиях реальной ситуации, «но судить об этой реальности он может по информации о ней, по той информационной модели, которая ее отражает»¹⁸, тем самым глубоко уважаемый оппонент фактически повторил мою принципиальную позицию, неоднократно предлагавшуюся в ряде работ, опубликованных с 1972 г. (ссылки на некоторые из этих работ сделаны ранее в данной статье).

Тем самым ненужную дискуссию, отвлекающую силы, внимание и время криминалистов от глубокого и многостороннего исследования комплексных проблем криминалистических и следственных ситуаций, и прежде всего их прагматических аспектов, можно считать завершенной.

¹⁴ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 69–70.

¹⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М., 1971. Т. 3. С. 113.

¹⁶ Новый энциклопедический словарь. М., 2008. С. 846.

¹⁷ Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999.

¹⁸ Белкин Р. С. Следственные ситуации и тактические комбинации // Криминалистика. М., 1999. С. 159.

Наиболее важной характеристикой криминалистических (следственных) ситуаций несомненно является их адекватность реальным ситуациям расследования, правильность отражения в сознании (нередко и в подсознании) следователя действительной обстановки и обстоятельств, складывающихся по уголовным делам. Трудность адекватного отражения, создания адекватной информационной модели конкретной ситуации по уголовным делам с последующим принятием следователем оптимальных решений связаны с многочисленными барьерами, препятствиями, информационными шумами, противодействием заинтересованных лиц и другими негативными факторами, все разнообразие которых можно свести к четырем основным разновидностям:

1) логико-познавательным барьерам, обусловленным полным или частичным отсутствием данных о различных обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовным делам, об источниках получения этой информации (проблемные трудности);

2) препятствиям тактико-психологического характера, выражающимся в противодействии подозреваемых и обвиняемых, занимающих негативную позицию, а также недобросовестных свидетелей и потерпевших, других заинтересованных лиц, планам и действиям следователя, направленным на всестороннее, полное и объективное расследование (трудности конфликтного характера);

3) тактико-управленческим трудностям, обусловленным вероятностным характером выбора следователем одного из возможных способов действий, каждый из которых не только не гарантирует обязательного достижения цели, но и не исключает риска наступления дополнительных негативных последствий (тактический риск);

4) организационно-управленческим трудностям, заключающимся в недостатке времени, сил, средств, неупорядоченности и бесплановости процесса раскрытия преступлений, отсутствии системы взаимодействия участников расследования (организационно-управленческая неупорядоченность).

В практической деятельности все перечисленные четыре группы трудностей чаще всего встречаются не изолированно друг от друга, а в виде различных сочетаний и комбинаций, образуя пятую, комбинированную группу существенных трудностей, противостоящих следователю.

Соответствие информационной модели основным характеристикам реального состояния расследования — важнейший аспект практической деятельности следователя. Если основные параметры следственной ситуации адекватны оригиналу — реальной обстановке по уголовному делу, то процесс расследования приобретает благоприятный характер (существенные трудности отсутствуют, а несущественные преодолеваются относительно легко. Подобную благоприятную ситуацию можно назвать простой.

И наоборот, если в распоряжении следователя нет достаточных данных об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, а получение сведений об источниках информации крайне затруднительно, если подозреваемые, обвиняемые, а нередко свидетели и даже потерпевшие активно препятствуют установлению подлинной картины преступления, если следователь вынужден для достижения цели уголовного преследования совершать действия, сопряженные с риском, а также преодолевать трудности организационного и управленческого характера, то возникает неблагоприятная ситуация. Подобную неблагоприятную ситуацию можно назвать сложной следственной ситуацией.

Сложные следственные ситуации характеризуются четырьмя основными имманентно присущими им свойствами: проблемностью, конфликтностью, тактическим риском и организационно-управленческой неупорядоченностью. Именно эти свойства обуславливают глубокие содержательные различия между всеми разновидностями сложных следственных ситуаций. В то же время необходимо особо подчеркнуть, что основной базой генезиса и дифференциации этих разновидностей являются разнообразные формы информационной неопределенности.

В философии, гносеологии, теориях игр и исследовании операций выделяют четыре основные формы информационной неопределенности: семантическую, стратегическую, синтаксическую и прагматическую.

Семантическая неопределенность обусловлена сложной структурой как процесса познания, так и самого объекта исследования, его латентными свойствами, неоднозначностью предварительных выводов, полным или частичным незнанием предмета научного или практического поиска, его составных элементов, противоречивостью, вероятностным характером, а также недостатками аналитических, отображающих и иных способностей субъекта. В специальной литературе эту разновидность называют иногда «настоящей неопределенностью», поскольку она связана с одним из основных понятий гносеологии и математической логики — понятием истинности¹⁹. Проблемная ситуация характеризуется отсутствием заранее определенной однозначной процедуры (способа) информационного поиска, жесткой программы принятия следователем решений и производства процессуальных и других действий по делу независимо от категории уголовного дела²⁰. Возникшая по уголовному делу проблемная ситуация обусловлена семантической неопределенностью и имеет одни и те же логический состав и структуру. В состав проблемной ситуации входят два структурных элемента — совокупность неполных, противоречивых, вероятностных знаний и неизвестное искомое, сформированное в самой общей форме, а также специфическое познавательное отношение, возникающее между ними, — отношение диалектического противоречия.

Логическую характеристику семантической неопределенности составляют вероятностный характер исходных данных, перерыв инфор-

мационной постепенности, невозможность непосредственного получения достоверных выводов знаний, отсутствие достаточных сведений не только об элементах предмета доказывания, но и о промежуточных (вспомогательных) фактах и источниках доказательственной и оперативно-тактической информации, возникновение прочного барьера между уже установленными и еще не выявленными неизвестными обстоятельствами по уголовным делам. Семантическая неопределенность лежит в основании проблемной ситуации, позволяя выделить ее из других классификационных групп сложных следственных ситуаций.

Проблемная ситуация — это своеобразное противоречие между знанием и незнанием, специфическое соотношение известного и неизвестного по делу, при котором искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной вероятностной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения.

Что касается конфликтных ситуаций, то на их формирование значительное влияние оказывает так называемая стратегическая неопределенность²¹. Если в проблемных ситуациях главную «зону неопределенности» составляют неизвестные элементы предмета доказывания, то в конфликтных ситуациях эта зона охватывает иные обстоятельства — реальные планы, намерения, действия соперничающей стороны. Тактическое противодействие следователю со стороны обвиняемых, подозреваемых, других участников уголовного судопроизводства усугубляется незнанием тактической позиции конфликтующих субъектов²². Как подчеркивает известный ученый в области программирования и управления Д. Б. Юдин,

¹⁹ См.: Льюс Р. Д., Райфа Х. Игры и решения. М., 1967. С. 37–39, 352–353.

²⁰ См.: Драпкин Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. С. 21–30.

²¹ См.: Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970. С. 650–659; Драпкин Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. С. 24–26, 228–268.

²² См.: Ратинов А. Р. Судебная психология для следователя; Урсу А. Д. Отражение и информация. М., 1973. С. 157.

«в конфликтных ситуациях, помимо естественного недостатка информации, возникает еще и возможность дезинформации»²³.

Конфликтную ситуацию в расследовании можно определить как особое состояние системы межличностных либо межгрупповых отношений двух или более участников уголовного процесса, имеющих несовпадающие интересы и стремящихся к достижению различных целей в условиях стратегической неопределенности, возникающей в связи с планами и намерениями соперничающей стороны. Разумеется, каждая из сторон для большей эффективности собственных действий старается замаскировать свою подлинную позицию и одновременно проникнуть в планы тактического противника.

К конфликтным ситуациям по многим своим параметрам (но далеко не по всем) близки ситуации тактического риска. В практической деятельности эти ситуации довольно часто встречаются не раздельно, а в комбинации друг с другом. Однако и в «чистом виде» ситуации тактического риска нередко встречаются в процессе расследования. Самостоятельный характер этой, третьей разновидности сложных следственных ситуаций объясняется главным образом воздействием синтаксической неопределенности, обуславливающей множество возможных исходов (результатов) выбранного следователем способа действий.

Важнейшей характеристикой ситуации тактического риска является отсутствие среди множества возможных решений, сформированных следователем, хотя бы одного абсолютно надежного, обязательно ведущего к намеченной цели. Даже при принятии, казалось бы, наиболее оптимального решения в ситуации тактического риска всегда остается вероятность (хотя бы крайне незначительная) наступления неудачного исхода выбранного способа действий.

Ситуацию тактического риска можно определить как специфическое соотношение

возможных способов действий следователя, направленных на достижение намеченной цели, и вероятных, не гарантированных результатов (исходов) их реализации. В таких условиях основной задачей следователя являются выбор наиболее эффективной, надежной линии тактического поведения и подготовка резервных вариантов действий и ресурсов.

Четвертая разновидность сложных следственных действий — *организационно-неупорядоченная ситуация* — обусловлена наличием целого ряда управленческих и организационных трудностей, тесно связанных друг с другом, возникающих в процессе расследования преступлений. Эти трудности объясняются главным образом так называемой прагматической неопределенностью, состоящей в частичном незнании собственных целей, неточной оценкой своих целей, ресурсов, критериев деятельности и противостоящих субъекту деятельности препятствий и барьеров. В отличие от других сложных ситуаций на возникновение организационно-неупорядоченных ситуаций оказывают влияние негативные факторы, не только возникающие по конкретному уголовному делу, но и находящиеся за его рамками.

Организационно-неупорядоченную ситуацию можно определить как специфическое соотношение организационно-управленческих трудностей и недостаточных для их преодоления средств, времени и других ресурсов, находящихся в распоряжении следователя.

К последней, пятой группе сложных следственных ситуаций, дифференцированных по содержательным, информационно-неопределенным свойствам, лежащим в основе их логической классификации, относятся *комбинированные ситуации*. Это единая самостоятельная классификационная группа, содержание которой составляют различные сочетания рассмотренных выше существенных трудностей (проблемность, конфликтность, тактический риск, организационная неупорядоченность).

Таким образом, каждая из четырех основных классификационных групп сложных след-

²³ Юдин Д. Б. Математические методы управления в условиях неполной информации. М., 1974.

ственных ситуаций обусловлена соответствующими разновидностями информационной неопределенности: проблемная ситуация — семантической, конфликтная ситуация — стратегической, ситуация тактического риска — синтаксической, а организационно-неупорядоченная — прагматической. Именно эти различные формы информационной неопределенности и обуславливают самостоятельность, раздельность, дифференцированное существование различных видов следственных ситуаций.

В связи с изложенным кажется совершенно неприемлемым мнение некоторых криминалистов об иной классификации сложных следственных ситуаций. Так, Р. С. Белкин утверждает, что «поскольку все сложные следственные ситуации отличаются информационной неопределенностью, то все их можно считать проблемными, в том числе и те, которые в отличие от проблемных именуют конфликтными»²⁴. Такой же позиции придерживается Д. В. Ким²⁵, считая, что, поскольку все криминалистические ситуации являются проблемными, то конфликтность, тактический риск и т. д. могут считаться определенными чертами (факторами), присущими проблемной ситуации. Но далее Д. В. Ким все же выделяет четыре группы криминалистических ситуаций: с элементами конфликтности, с элементами организационной неупорядоченности, с элементами тактического риска и смешанные (по моей квалификации — комбинированные) ситуации.

Оба уважаемых автора не учли, что в основании этих ситуаций лежат различные классификационные разновидности информационной неопределенности. Именно поэтому выделение названных ситуаций в отдельные, самостоятельные классификационные группы вполне обоснованно, поскольку эта дифферен-

циация имеет не только теоретическую, но и большую практическую значимость: она дает оптимальную возможность по разработке и использованию специфических эффективных методов, приемов тактических операций и комбинаций, направленных на оптимальное разрешение и последующую трансформацию всех этих сложных ситуаций в простые. Следует отметить, что подобная классификация давно признана в психологии, теориях игр, исследовании операций, статистическом программировании, кибернетике и многих других науках математического и управленческого циклов²⁶.

С несколько иных позиций к вопросу классификации подошла и проф. Т. С. Волчецкая, считая, что, поскольку любая следственная ситуация «вплоть до окончания расследования может быть рассмотрена как проблемная», их «предпочтительнее было бы называть “ситуациями” познавательного типа»²⁷.

Однако следственная практика, на которую почему-то ссылается автор, свидетельствует совсем о другом: есть преступления, которые надо «раскрывать и расследовать», и есть преступления, которые надо «только расследовать». Тем самым именно следственная практика довольно четко разделяет следственные ситуации на проблемные и неproblemные, а теория криминалистики, анализируя и обобщая ход и результаты расследования, также приходит к выводу о возникновении не только проблемных, но и неproblemных ситуаций, которые отличаются друг от друга качественной характеристикой: проблемные ситуации крайне неблагоприятны для расследования (в их основе лежат существенные трудности), в то время как неproblemные ситуации отличаются благоприятным характером (в их основе лишь несущественные

²⁴ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. С. 79.

²⁵ См.: Ким Д. В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций. Барнаул, 2008. С. 73–74.

²⁶ Многочисленные ссылки на научные разработки представителей этих дисциплин приведены ранее в данной статье.

²⁷ Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуология. М., 1997. С. 107.

трудности)²⁸. Об этом пишет и сама Т. С. Волчецкая правильно отмечая, что «перед следователем стоят две взаимосвязанные задачи: 1) раскрыть преступление, установив основные черты произошедшего события...; 2) расследовать преступление, то есть при помощи процессуальных средств и методов донести сущность установленного события до другого познающего субъекта (например, для суда)²⁹».

Выполнение первой задачи — раскрытие преступлений — следователь реализует в сложной проблемной ситуации, в теснейшем взаимодействии с оперативно-розыскными подразделениями, широко используя версионный метод, оперативную, в том числе и негласную, информацию, тактико-психологические, информационно-поисковые и иные эвристические приемы. Решение второй задачи осуществляется, как правильно подчеркивает Т. С. Волчецкая, производством процессуальных средств, направленных на то, чтобы «донести сущность установленного события для другого познающего субъекта».

Фактически соглашаясь с существованием проблемных ситуаций, профессор Т. С. Волчецкая предлагает назвать их «ситуациями познавательного типа»³⁰. Но, во-первых, все сложные ситуации разрешаются путем преодоления, устранения существенных познавательных трудностей, а поэтому все виды этих ситуаций требуют применения разнообразных познавательных методов. Во-вторых, процесс

познания и разрешения сложных следственных ситуаций, так же как и сами эти ситуации, не носит общий, абстрактно-аморфный характер, а имеет сложную классификационную структуру. Дифференциация сложных ситуаций обусловлена, как показано выше, различными видами информационной неопределенности. Это обстоятельство давно установлено и признано социальными, математическими, психологическими, педагогическими и другими научными дисциплинами. Подобный ситуационный подход поддерживают и многие криминалисты, полагая, что необходимо идти в ногу с бесспорными научными положениями, а не противоречить им.

Рассматривая с этих ситуационных позиций предложенную Т. С. Волчецкой схему сложных следственных ситуаций, следует отметить как положительные, так и отрицательные ее стороны.

Несомненным достоинством этой классификации является дифференциация сложных следственных ситуаций на проблемные ситуации (неудачно названные ситуациями познавательного типа), конфликтные ситуации и ситуации тактического риска. Недостатком классификационной схемы является, по нашему мнению, включение в ее структуру ситуаций организационно-управленческого типа. Эта квалификационная группа ситуаций действительно существует, но в ее логический объем входят как неупорядоченные (сложные), так и упорядоченные (простые) организационно-управленческие ситуации. Поэтому включение в классификационную схему сложных следственных ситуаций, организационно-управленческих ситуаций, состоящих из простых и сложных их разновидностей, нарушает одно из правил деления объема понятия: объем членов классификации должен равняться объему классифицируемого класса (соразмерность понятия)³¹.

Что касается других классификационных схем, предложенных Т. С. Волчецкой, в кото-

²⁸ См., напр.: *Васильев А. Н.* Введение в курс советской криминалистики. М., 1962; *Карпец И. И.* Проблемы преступности. М., 1969; *Михайлов А. И., Сергеев Л. А.* Процессуальная сущность раскрытия преступлений // Сов. государство и право. 1971. № 4; *Гаврилов А. И.* Раскрытие преступлений. Свердловск, 1975; *Тамасевич В. Г.* Проблемы методики раскрытия и расследования преступлений // Советская криминалистика: теоретические проблемы. М., 1978; *Драпкин Л. Я.* Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика // Теоретические проблемы криминалистики. Свердловск, 1981. С. 27–36.

²⁹ См.: *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия. С. 61.

³⁰ Там же. С. 107.

³¹ См.: *Кондаков Н. И.* Логический словарь. М., 1971. С. 272.

рых логическое деление осуществлялось по другим основаниям (этапы расследования, качественная характеристика возможностей достижения цели, характер оцениваемого субъектом момента и т. д.), то никаких возражений эти схемы не вызывают и хорошо отражают практические аспекты деятельности, тем более что почти такие же классификации предлагались ранее А. Н. Васильевым, В. Н. Гавло, Л. Я. Драпкиным и другими учеными.

С середины 90-х гг. прошлого столетия начался новый этап развития ситуационных исследований в криминалистике, связанный главным образом с научными трудами профессора Т. С. Волчецкой, которая творчески подошла к анализу ситуаций, возникающих в процессе оперативно-розыскной деятельности, досудебного и судебного производств. Она же предложила выделить криминальные («антикриминалистические») ситуации. Наиболее активным сторонником и последователем Т. С. Волчецкой является профессор Д. В. Ким, успешно развивающий теорию криминалистических ситуаций³².

Следует отметить, что значительно раньше идею рационального распространения теории следственных ситуаций на оперативно-розыскную и судебную деятельность неоднократно высказывал В. К. Гавло³³.

Несомненно, что расширение судебной парадигмы на сферы деятельности оперативно-розыскных, экспертных и судебных органов

существенно обогатит как науку криминалистику, так и технико-тактический арсенал оперативных сотрудников, экспертов, следователей и судей, позволит более гибко подходить к разрешению сложных ситуаций, постоянно возникающих в их работе.

Однако разветвленная по многим основаниям логического деления классификационная система должна отражать не только различные свойства (признаки) ее структурных элементов, но и те интегративные качества, которые обусловили ее эмерджентные (целостные) свойства. Именно эти системные свойства дают возможность использовать мероприятия, действия, методы и приемы деятельности, разработанные в одной из подсистем, после необходимой адаптации успешно применять в другой подсистеме. Так, тактические приемы допроса и осмотра места происшествия, детально разработанные криминалистикой с учетом изменившихся условий и обстановки, эффективно применяются оперативными сотрудниками в ходе опросов, наведения справок, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. В свою очередь, тактика оперативного прослушивания телефонных переговоров использовалась при создании криминалистами тактики производства следственного действия «Контроль и запись переговоров» после того, как законодатель включил это процессуальное действие в УПК РФ. Разработанный криминалистами тактический прием, много лет успешно применяемый следователями под названием «Допрос на месте происшествия (совершения "преступления")» был в конце концов введен в уголовно-процессуальный закон и назван «Проверка показаний на месте» (ст. 194 УПК РФ).

Приведу другой, менее значительный пример. В криминалистике давно разработан и рекомендован прием усиления психологического давления на конфликтующего субъекта в процессе очной ставки путем предъявления вещественных доказательств и документов. В настоящее время этот тактический прием был включен в действующий УПК

³² См.: Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия; *Ее же*. Криминалистическая ситуалогия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997; Ким Д. В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 2006; *Его же*. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций; *Его же*. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2008.

³³ См.: Гавло В. К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

в качестве юридической нормы (ч. 3 ст. 192 УПК РФ).

Таким образом, системный подход к теории криминалистических ситуаций способствует существенному повышению эффективности оперативно-розыскной деятельности, процессов расследования и судебного производства.

Что касается дальнейшего развития теории криминалистических ситуаций, то необходимо подчеркнуть, что следующий, третий этап развития теории криминалистических ситуаций должен быть направлен главным образом на создание надежной информационной базы для разработки достоверных научных выводов и эффективных практических рекомендаций. Глубокий анализ значительных массивов конкретных уголовных дел, дел оперативного учета, а также других материалов, их последующая статистическая обработка и всестороннее обобщение получен-

ных результатов позволит оптимизировать все разделы теории следственных ситуаций, выявить видовые особенности принятия решений оперативными сотрудниками, следователями и участниками судебного производства. В настоящее время на достаточном научном уровне находится лишь теория следственных ситуаций. Остальные ситуационные теории еще не достигли надлежащего уровня. Более того, их содержание в значительной мере составляют неадаптированные выводы и рекомендации, автоматически перенесенные (без учета специфики) из теории следственных ситуаций.

Тем не менее, несмотря на объективные и субъективные трудности, я с оптимизмом смотрю на научное и практическое будущее теории криминалистических ситуаций, чрезвычайно плодотворный и многообещающий раздел нашей науки — криминалистики.

О модернизации преподавания тактики допроса обвиняемого

Представленные в настоящей статье идеи, будучи связанными с установкой на модернизацию социальной жизни, понимаемой как предложение осовременивания преподавания криминалистики, видятся актуальными¹.

В обучении криминалистике проявляется факт некоторой дидактической схожести тактики допросов подозреваемых и обвиняемых². Это касается предлагаемых студентам для изучения тактических задач и приемов, реализуемых субъектом тактики этих допросов. Квинтэссенция такой тактики — условное «признание» допрашиваемого. Но бесспорен ли данный подход относительно тактики допроса обвиняемого?

Отвечая на этот вопрос, следует учитывать, что современный студент, как главный объект педагогического воздействия, воспринимает криминалистику наряду с иными учебными курсами. Равно и современный преподаватель криминалистики должен представлять криминалистические знания студентам во взаимодействии с учебным курсом уголовного процесса. Именно

Дарья Сергеевна Жеребина,
выпускница института прокуратуры
Уральской государственной юридической
академии

Леонид Александрович Зашляпин

это обеспечивает качество юридического образования, позволяющее выпускнику сочетать тактику допроса обвиняемого с нормативной моделью производства допроса обвиняемого, формировать необходимые компетенции.

Препятствие (междисциплинарная коллизия) для подобного синкретичного подхода обнаруживается при проведении ролевых игр по теме «Тактика допроса обвиняемого». Суть коллизий состоит в том, что преподавание уголовного процесса может базироваться на суждении о том, что допрос обвиняемого есть его ответ на тезис обвинения³. Специфическим субъектом правовой активности в этом случае является обвиняемый. В преподавании же тактики допроса обвиняемого в криминалистике доминирующим субъектом правоактивности

¹ См.: *Медведев Д.* Россия, вперед! // Рос. газета. 2009. 11 сент.

² См., напр.: *Криминалистика : учеб. / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина.* М., 2000. С. 299–304.

³ См.: *Парадеев В. М.* Формирование обвинения на предварительном следствии в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978.

являются следователь и его тактические задачи, фактически состоящие в «признании» обвиняемого. Студенты, участвующие в ролевой игре, в этом случае дезориентируются в содержании роли, поскольку различные учебные дисциплины ориентируют на различное содержание действий.

В качестве аргументов возможного изменения содержания программы по тактике допроса обвиняемого выступают нормативные правила, обуславливающие возможность осовременивания преподавания криминалистической тактики.

Допрос обвиняемого происходит после предъявления обвинения, а стало быть после формирования достаточной доказательственной базы. Обладание субъектом криминалистической тактики достаточными доказательствами обесмысливает тактическую задачу «признания».

Тактика допроса обвиняемого содержательно определяется постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого. Идея законодателя, воплощенная в нормы УПК РФ 2001 г., видит постановление о привлечении в качестве обвиняемого фактором тактики допроса обвиняемого, таким образом, связаны с содержанием этого постановления. Тезис обвинителя в данном постановлении есть только следственная версия, требующая проверки. Для проверки этой версии необходимо получить мнение о ней обвиняемого.

Причины отмеченной схожести видятся в следующем.

Существующий подход в преподавании был заложен первыми советскими учебниками криминалистики, что сформировало некоторую традицию. При этом в УПК РСФСР 1923 г. отсутствовала процессуальная фигура подозреваемого. Логично, что для правовой идеологии того периода, принципов нормативного регулирования досудебного производства тактическая задача, направленная на «признание» обвиняемым инкриминированного деяния, тактические приемы, обеспечивающие это «признание», были сутью про-

цессуального режима и криминалистических знаний.

УПК РСФСР 1960 г. ввел в отечественный уголовный процесс фигуру подозреваемого, а тактика допроса подозреваемого и обвиняемого в курсе криминалистики, в силу заложенной ранее традиции, стала представляться схоже: студентам предлагались для усвоения тактические задачи и тактические приемы, ориентированные на «признание» обвиняемого. Но признание есть одновременное действие. Повторить его нельзя. Если в ходе допроса подозреваемого получено «признание» лица относительно имеющегося в отношении него подозрения, то повторное «признание» (предполагается относительно тех же событий и их обстоятельств) в ходе допроса обвиняемого есть нерациональный тактический результат.

Очевидно, что недифференцированное представление тактики допроса подозреваемого и обвиняемого базируется на свойстве консервативности правосознания. Преподаватель криминалистики чаще всего является представителем профессионального правосознания, присущего практикам. Особенность этого правосознания состоит в том, что оно «находится в прошлом», не опережает правовую действительность. В системе криминалистической тактики, представленной этим правосознанием, допрос обвиняемого как ответ на тезис обвинения не является тактической доминантой.

Однако современная модель тактики допроса обвиняемого видит иные формы правоактивности. Если допрос обвиняемого может быть его ответом на тезис обвинения, то и вектор правоактивности (тактики) исходит от допрашиваемого. Формируемая этими факторами тактическая задача влечет и соответствующие тактические приемы, содержание которых сводится не только к «признанию» (полностью, частично), но и к реализации прав обвиняемого, его ответу на тезис обвинения. Все это снижает конфликтность тактики допроса обвиняемого, влечет применение приемов, отличных от тактики допроса подозреваемого, допускает осовременивание преподавания тактики допроса обвиняемого.

Методики расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений: особенности преподавания

В условиях интенсивного развития российского законодательства на первый план выходит уже не только формирование и совершенствование правовых норм, но и обеспечение адекватного их применения в практической деятельности¹. Современное состояние и развитие коррупции, появление и развитие качественно новой профессиональной преступной деятельности, совершенствование способов подготовки, совершения и сокрытия преступлений свидетельствуют о том, что преступность вышла на качественно новый уровень. А это, несомненно, требует и качественно иных подходов к расследованию и раскрытию преступлений. При этом оперативный, профессиональный и «качественный» уровень такого раскрытия и расследования, его соответствие действующему уголовно-процессуальному законодательству практически невозможны, если не руководствоваться при этом специальными научно разработанными системами методов ведения следствия и предупреждения преступлений.

Инна Анатольевна Фомина,
преподаватель кафедры судебного права
юридического института
Иркутского государственного университета
iafomina@mail.ru

В рамках исследований, проведенных С. Ю. Косаревым², несмотря на то, что дополнительное усвоение информации происходит при самостоятельном поиске и изучении литературы, большинство из сотрудников правоохранительных органов подчеркнули значимость полученных данных в процессе обучения, в том числе и в рамках курсов повышения квалификации.

Кроме того, в свете актуальности проблем реформирования в области обучения, которые сейчас больше всего заботят наше общество, и подготовки высокообразованных специалистов

¹ См.: *Цветков С. И.* Тактические решения и тактические ошибки // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Краснодар, 2002. С. 85.

² Подробнее об этом см.: *Косарев С. Ю.* История и теория криминалистических методик расследования преступлений. СПб., 2008. С. 230–231.

предъявляются все новые требования как к самим дисциплинам, преподаваемым в вузах, так и к качеству их преподавания. Ведь, например, будущего следователя невозможно (да и есть ли такая необходимость?) в рамках учебного курса по методике расследования отдельных видов преступления обучить и дать подробные и четкие указания о том, как необходимо действовать в той или иной ситуации, какая совокупность действий считается наиболее «полной» и «обоснованной». Более правильным будет научить его думать криминалистическими понятиями и категориями, действовать, исходя из задач криминалистики, согласно правилам криминалистической логики, руководствуясь уголовно-процессуальным законодательством.

Целью вышеупомянутого курса являются обучение основополагающим теоретическим знаниям и выработка практических навыков в рамках криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений. При этом разработка учебной программы в рамках данного курса и само его преподавание должны в первую очередь соответствовать не только и не столько требованиям учебного плана, сколько современной практике. Ведь современная наука уже с конца XIX в. жестко вплетена в практическую деятельность.

Логичным на основе данных высказываний будет суждение о том, что в состав данного учебного курса должны входить актуальные на современном этапе методики расследования отдельных видов преступления. Содержание учебной программы должно отражать современный уровень науки криминалистики, ее связь с другими науками, передовой опыт следственных и экспертно-криминалистических аппаратов МВД России и органов СК при прокуратуре РФ, а также опыт преподавания криминалистики в вузах России и других высших учебных заведениях. Соответственно структура данного курса должна быть сама по себе актуальной, динамичной и обновляемой по мере необходимости, а отдельные методики, изучаемые в рам-

ках курса, должны отвечать требованиям, предъявляемым к ним практическими работниками. Дальнейшая разработка проблематики частных криминалистических методик должна осуществляться на качественно новом уровне, при этом необходимо шире использовать возможности алгоритмизации и программирования.

Данный учебный курс является составной частью четвертого раздела криминалистики и, по нашему мнению, должен быть направлен на изучение общих вопросов методики расследования отдельных видов преступлений и рассмотрение отдельных (видовых) методик расследования преступлений конкретных видов, состав которых, как было отмечено выше, в первую очередь должен быть продиктован требованием практики. Особое внимание в настоящее время по праву вызывают проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений.

Рост нелегальных рубок и противозаконной деятельности в лесном секторе — проблема мирового масштаба, затрагивающая большинство стран. При этом она вызывает также все более обоснованное беспокойство как федеральных и региональных органов власти Российской Федерации, так и средств массовой информации и представителей общественности. Сложившаяся ситуация требует мобилизации всех властных структур, в том числе и правоохранительных органов, которые занимаются выявлением, расследованием, раскрытием и пресечением преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. И рассмотрение вопросов особенностей преподавания данной методики позволит наиболее полно, планомерно и организованно обеспечить основную цель — помощь в борьбе с преступностью.

Многолетний опыт преподавания в различных учебных заведениях всякий раз убеждает нас в жизненности известной педагогической формулы «Кто учит — кого учит — как учит — чему учит». Ответы на эти непростые фундаментальные вопросы всегда

были и остаются предметом полемики³. Не вступая в полемику по поводу первостепенности и значимости какого-либо из вопросов данной формулы, а также их этимологии, так как она не имеет для нас принципиального значения, хотелось подчеркнуть, что с учетом и на основе их должны разрабатываться новые учебные курсы и совершенствоваться уже существующие. Ведь только тогда студенты смогут получить полный курс знаний, необходимый для успешного выполнения ими соответствующих профессиональных обязанностей.

Педагогическая деятельность всегда определяется психологическими особенностями личности преподавателя, умением устанавливать контакт с аудиторией, наличием педагогического такта и знания своего предмета. Фундамент способностей преподавателя к обучению студентов составляют склонность к обучению; отличная память, способность к педагогическим представлениям и воображению, педагогическое мышление; ораторские способности⁴. При этом ошибочным было бы предположение, что любой следователь (дознаватель), как лицо, хорошо осведомленное о практической специфике расследования, может стать преподавателем. Ведь у него могут отсутствовать способность, умение учить, а значит он не сможет передать свои знания и опыт слушателям. Да, подобного плана лекции интересны, ярко своими практическими примерами, но способствуют ли они обучению?

Профессионализм лектора характеризуется совокупностью умений и навыков по развитию профессиональных качеств, способностей студентов, знанием, как учить, и умением преподать свои знания, опыт, то, в свою очередь, требует выработки научно обоснованных приемов, методов и средств передачи информации, способствующих значительному улучше-

нию усвоения преподаваемого материала студентами.

Говоря об оптимальном и эффективном обучении, А. А. Баранов и А. Н. Иванов предлагают следующий подход: а) изучать «систему», а не голые приемы; б) процесс обучения строить в зависимости от реальной обстановки и ситуации⁵. Данный подход позволит, по их мнению, избежать заучивания или зубрежки и заставит обучающегося творчески подойти к изучению предмета. Кроме того, это будет способствовать выработке «правильной» мотивации на обучение.

Традиционно же при изучении какой-либо проблемы сначала рассказывают о ней, а потом, если имеется дидактический материал, показывают, как необходимо ее решить — «от теории к практике». Однако данная концепция не лишена своих недостатков, в частности, преподавание такого типа воплощает в жизнь принцип «Делай как я», однако если данный опыт является ошибочным, он может быть не только бесполезным, но и отрицательным.

Считаем обоснованным выбор так называемого «метода параллелей», когда в рамках обучения необходимо постоянно совмещать изложение теоретического материала с демонстрацией его применения на практике (здесь могут быть использованы наглядные материалы в виде протоколов следственных действий, фототаблиц, заключений экспертов и т. д.). Однако при изучении, например, алгоритма действий следователя, исходя из определенной следственной ситуации (например, задержана бригада «черных лесорубов» на месте незаконной рубки, но при этом ими отрицается факт производства рубки), необходимо говорить лишь о вероятностной модели поведения и последовательности процессуальных действий, основная цель определения которых послужит практическим работникам наглядной

³ См.: Долгинов С. Д. Актуальные проблемы правового воспитания студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://war.pspu.ru/sci_conf_vospit_dolginov.shtml

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Баранов А. А., Иванов А. Н. Проблемы методики эффективного преподавания криминалистики // Актуальные проблемы преподавания криминалистики в юридических высших учебных заведениях. М., 1999. С. 21.

демонстрацией их поведения в определенной ситуации. А при изучении криминалистической характеристики необходимо «продемонстрировать» особенности установления корреляционных связей между существующими элементами, что позволит «обучить» наиболее оптимальному выдвиганию версий. И здесь нашими помощниками могут стать различные научно-технические средства, что позволит повысить уровень усвоения устной информации и облегчит возможность восприятия, усилит степень концентрации внимания и памяти. При этом особо следует остановиться на возможных «ошибках» и пробелах при производстве тех или иных процессуальных действиях (неизъятие при осмотре места происшествия образцов почвы и дальнейшее их сравнение с образцами, изъятыми на подошве обуви подозреваемого, и т. д.).

Считаем оправданным следующее положение: необходимо преподавать методику расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, исходя из региональных особенностей. Ведь возможность осуществления данной преступной деятельности в первую очередь зависит от «доступности» предмета преступного посягательства и особенностей личности преступника, что, в свою очередь, и определяет особенности выбора способа их совершения и специфику, зависящую от данного выбора, следовой картины. Поэтому даваемые рекомендации должны быть основаны на региональной специфике. Так, то, что является панацеей для Ленинградской области, неприменимо для Иркутской области или Дальнего Востока.

Далее можно выделить следующую особенность, которая также отражается на процессе преподавания. В основе рассматриваемой нами методики лежат такие признаки ее формирования, как целостность, логичность, завершенность и самостоятельность. Кроме того, на основе данных признаков и существующих концепций определения классификационных оснований деления частных криминалистических методик представляется обосно-

ванным отнесение методики расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, к комплексным⁶, где целесообразно выделить незаконную рубку лесных насаждений как основу общности методики и иные сопутствующие ей преступления (в частности, различные виды хищений, дача и получение взятки, халатность, превышение своих должностных полномочий, подделка документов, фальсификация результатов аукционов и т. д.). К данным выводам мы пришли на основании следующих особенностей данной методики:

1. В основе формирования методики лежат составы преступлений по уголовно-правовой классификации, которые, если рассматривать их по отдельности, не имеют общих закономерностей и являются разновидовыми. Но при изучении незаконной рубки как преступной деятельности у данных составов появляются общность, взаимозависимость и соподчиненная взаимосвязь.

2. Предметом данной методики является механизм незаконной рубки как преступной деятельности, то есть не вся преступная деятельность, охватываемая разновидовыми преступлениями, а именно связанная с незаконной рубкой лесных насаждений и обусловленная ею.

Все сказанное выше позволяет сделать процесс преподавания методики расследований преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, живым, динамичным, актуальным и практически значимым. Это, в свою очередь, позволит сформировать у студентов умения и навыки применения криминалистических рекомендаций, позволит обучить их мобильности и способности, при определенной «гибкости ума», соотносить теоретические положения с реалиями практики.

⁶ Подробнее о данной концепции см.: Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск, 2003. С. 159–210.

Информационные технологии: новое учение в криминалистике

Современные процессы развития высшей школы отражают новую социально-экономическую структуру общества. Никто не станет отрицать существование реального процесса глобализации рынка образовательных услуг, необходимости интеграции России в общеевропейское и мировое образовательное пространство. Модернизация российской профессиональной школы, в первую очередь высшей, должна стать ответом на эти вызовы и потребует немало усилий для вхождения высшей школы в Болонский процесс. Целью Болонской декларации, подписанной Россией в 2003 г., является создание в 2010 г. общеевропейской системы высшего образования, а также обеспечение усилий для свободной академической мобильности студентов и преподавателей вузов¹.

Вечные вопросы педагогики «Чему учить?» и «Как учить?» были поставлены более 300 лет назад чешским педагогом Я. А. Коменским в его знаменитом труде «Великая дидактика». Сегодня, с учетом новых экономических отношений между выпускниками вузов и работодателями, необходимо ставить также

и вопросы: «Для чего учить?» и «Для кого учить?».

Галина Михайловна Шаповалова,
кандидат юридических наук
заведующая кафедрой уголовного права и
процесса
Открытого юридического института
GShapovalova@mail.ru

Выпускник-юрист должен уметь решать многогранные задачи (профессиональные, жизненные, предметные, этические, эстетические) с помощью имеющихся знаний, умений, навыков, убеждений, установок и т. д. В существующих условиях учебному заведению очень важно выпускать юристов, которые бы соответствовали современным требованиям. Для этого необходимо активно применять новейшие информационные технологии в системе обучения студентов юридических специальностей и прежде всего дать возможность преподавателям повышать свой профессиональный уровень. К сожалению, сегодня у них такой возможности нет, хотя все прекрасно понимают, что основой образовательной системы должна быть высококачественная и высокотехнологичная информационно-образовательная среда. Именно она позволит системе образования коренным образом модернизировать свой технологический базис, перейти

¹ См.: Османова Н. Н. Первые шаги в эксперименте навстречу Болонскому процессу // Высшее образование в малых городах. Владивосток, 2007.

к образовательной информационной технологии, отвечающей современным требованиям. Электронные (видеоуроки) и традиционные учебные материалы должны гармонично дополнять друг друга как части единой образовательной среды. Использование информационных технологий будет способствовать более глубокому обучению юристов и такой дисциплине, как криминалистика, особенно в ее практической части — решение криминалистических задач, которые сложно или невозможно решать традиционными методами.

Статистика отчетов МВД РФ² за последние пять лет показала, что в списке преступлений значительно изменились способы совершения преступлений, где все чаще объектом для преступников становится мировое информационное пространство, при этом уголовное законодательство в данной области с 1996 г. не претерпело ни малейших изменений, несмотря на неоднократные попытки управления «К» ввести продиктованные практикой дополнительные составы. Принятые же нормативные акты, призванные регулировать деятельность в информационной сфере, не только не восполняют имеющиеся пробелы, но и создают новые лазейки для преступных элементов³.

Если мы проанализируем процесс обучения студентов-юристов с 2000 по 2010 г., то увидим, что в большей части учебников и учебных пособий по криминалистике в разделе «Криминалистическая техника» содержатся следующие темы: общее положение по криминалистической технике, криминалистическая фотография и видеозапись, криминалистическое исследование следов (трасология), криминалистическое оружиеведение, криминалистическое исследование документов, криминалистическая габитоскопия, криминалистическая одорология, криминалистическая фоноскопия, криминалистическая регистрация. Темы, перечисленные выше, изучаются уже много лет, при этом накоплен большой опыт и отточены

² См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mvd.ru/stats>

³ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vi.p.lenta.ru>

методики исследования, некоторые из них нашли свое отражение в законодательстве, например в УПК РФ. Для подготовки юристов-криминалистов, отвечающих современным требованиям, необходимо также изучение тем, посвященных криминалистическим исследованиям в области новых информационных технологий, где будут освещены проблемы закономерностей механизма преступлений в этой области, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также закономерностях обнаружения, фиксации, исследования, оценки и использования доказательств.

В настоящий момент опыт и инструментарий невелик, а законодательство несовершенно. Студентам в период обучения на занятиях криминалистики необходимо уметь владеть компьютером на уровне продвинутого пользователя и иметь базисные представления о современных вычислительных средствах, коммуникационных технологиях и Интернете. Мотивацией для этого являются стремительное развитие информационной инфраструктуры, широкое внедрение современных автоматизированных систем управления и связи, обработки и хранения информации, неотъемлемый атрибут современной России, как следствие, — стремительный рост преступности, высокий уровень латентности.

Достижение должного уровня профессиональной подготовки студентов-юристов по дисциплине «Криминалистика» скажется на эффективности борьбы с преступностью в силу полученных глубоких знаний, и в первую очередь в области исследования следов новых информационных технологий, новых методов и методик раскрытия и предупреждения преступлений. Для этого в образовательном пространстве необходимо выработать концепцию взаимодействия вузов юридической направленности, бизнеса, власти, судов, правоохранительных органов и экспертных учреждений, результатом чего станет совместная ответственность за качество профессиональной подготовки выпускников в соответствии с современными требованиями: гибкое реагирование на изменение в обществе, потребностей рынка труда.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в районах вооруженного конфликта

Криминалистическое обеспечение расследования в районах вооруженных конфликтов характеризуется некоторыми особенностями, требует от субъектов расследования обладания особыми знаниями, приобретаемыми в вузовской системе высшего юридического образования.

Многообразие противоправных проявлений, сложность процесса их выявления и пресечения предполагает не только повсеместное и непрерывное совершенствование законодательной базы, но и использование в борьбе с ними возможностей различных государственных органов, специальным предназначением которых является осуществление правоохранительной деятельности. Совокупность таких органов образует правоохранительную систему, каждый из элементов которой, в пределах предоставленных ему законом полномочий, организует свою деятельность, направленную на укрепление законности и правопорядка, борьбу с преступностью, защиту прав и свобод личности,

Константин Сергеевич Щедринов,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры криминалистики
Военного университета Минобороны РФ

прав и законных интересов предприятий, организаций, учреждений и выполнение других задач, определяемых законодательством. Однако в сравнении с большим количеством форм и способов нарушения закона формы и методы борьбы с его нарушениями не столь многочисленны и строго регламентированы законодательством.

Поэтому функционирование каждого органа правоохранительной системы в строго ограниченных для них законом пределах зачастую не позволяет им единолично выполнять возложенные на них задачи, а требует, наряду с использованием собственных резервов и выполнением каждым из них своих функций, также и осуществления ими совместной, согласованной деятельности для успешного решения единых для всех правоохранительных органов задач.

Вместе с тем успех расследования преступлений в районах вооруженного конфликта во многом зависит и от планирования следователем отдельных следственных действий. Поэтому не только все расследование в целом, но и любое производимое следственное действие требует тщательного планирования и

подготовки, которая складывается из следующих последовательно реализуемых операций: а) построения мысленной модели сложившейся следственной ситуации, определения на основе изучения данной модели проблем, требующих разрешения; б) принятия решения о проведении следственного действия; в) определения цели и задач, а также построения плана производства данного действия; г) определения форм организации взаимодействия с другими правоохранительными органами при проведении следственного действия; д) поэтапной реализации плана (модели) следственного действия в ходе его проведения; е) подведения итогов следственного действия; ж) построения, анализа и оценки мысленной модели следственной ситуации, сложившейся с учетом этих итогов; з) принятия решения о дальнейших шагах расследования.

Что касается техники планирования расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, то представляется целесообразным использование в условиях боевой обстановки так называемого «метода сетевого планирования и управления» (далее — СПУ), заключающегося в создании графических моделей расследования, дополненных для придания большей наглядности графическими приемами, позаимствованными из военной тактики и топографии¹.

Впервые разработанный в 1966 г. А. П. Сыровым, метод СПУ за более чем сорокалетний период приобрел как сторонников (А. Р. Ратинов, А. М. Ларин, Л. Я. Драпкина, Н. П. Яблоков и др.), так и противников (Н. И. Порубов, А. Н. Васильев, Р. С. Белкин и др.). Отмечая достоинства метода СПУ (обеспечение ритмичности работы, практическая реализация принципа динамичности планирования, четкое формулирование промежуточных целей и задач, наглядность, детализация действий и мероприятий, выявление их

логической структуры и взаимосвязи) и недостатки (сложность, точность временных оценок планируемых работ), все ученые-криминалисты сходились в одном: метод СПУ применим при планировании работы следственной группы в целях сокращения сроков следствия и обеспечения ритмичности и непрерывности ведения следствия².

В обычных, мирных условиях, по мнению А. Н. Васильева, «использование СПУ в расследовании представляется спорным, потому что в нем преобладают элементы сокращения сроков работы, ее бесперебойность, которые в расследовании не являются главными, определяющими качество работы»³.

Однако применительно к районам вооруженного конфликта именно сокращение сроков и непрерывность расследования в конечном итоге определяют как качество расследования, так и общий уровень организации расследования преступлений. Поэтому наряду с традиционной «словесно-описательной» формой плана целесообразно составлять наглядную графическую модель расследования с использованием элементов метода СПУ.

При этом сокращение сроков расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, в первую очередь обусловленное самими условиями боевой обстановки, ставит перед органами, осуществляющими предварительное расследование преступлений, сложную задачу по скорейшему расследованию совершенного преступления, т. е. расследованию преступления по горячим следам. При этом, как отмечает Н. П. Яблоков, период раскры-

² См., напр.: *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967; *Ларин А. М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970; *Криминалистика: учеб. / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина.* М., 1994; *Криминалистика: учеб. / под ред. Н. П. Яблокова.* М., 1995; *Порубов Н. И.* Научная организация труда следователя. Минск, 1970; *Васильев А. Н.* Следственная тактика. М., 1976; *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.

³ *Васильев А. Н.* Следственная тактика. М., 1976. С. 166–167.

¹ См.: *Самыгин Л. Д.* Графическая форма плана расследования уголовного дела // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1971. Вып. 14. С. 122–125.

тия преступления по горячим следам не должен превышать пяти суток, а в особо сложных случаях не более пятнадцати суток⁴.

При этом условия боевой обстановки требуют, чтобы расследование преступлений в районах вооруженного конфликта осуществлялось в максимально короткие сроки в условиях дефицита времени, обуславливая необходимость слаженной и профессиональной работы всех задействованных в нем правоохранительных органов при надлежащем технико-оперативном и тактико-методическом сопровождении их деятельности, а также надежной связи с местами сосредоточения справочно-криминалистических учетов и других банков данных.

Сочетание в процессе расследования всех указанных выше требований возможно только при ведении расследования следственной группой, что позволит проводить следственные действия одновременно в нескольких направлениях и в разных местах, способствует параллельной проверке следственных и розыскных версий в целях сокращения сроков расследования, повышения результативности следственных действий, что в конечном итоге обеспечит высокое качество следствия.

Кроме того, осложняет расследование преступлений в районах вооруженного конфликта и такой фактор, как влияние условий боевой обстановки и действующий в районе вооруженного конфликта особый правовой режим (чрезвычайное или военное положение, режим проведения контртеррористических операций).

Так, ретроспективный анализ следственной практики в районах вооруженного конфликта позволяет констатировать, что необходима рационализация порядка производства неотложных первоначальных следственных действий с целью минимизировать влияние деструктивных факторов вооруженного конфликта на начальный этап расследования преступлений. Именно несовершенство организационных отношений при проведении следственных дей-

ствий в районах вооруженного конфликта зачастую сводит на нет усилия следователя военных следственных органов, направленные на получение доказательств, позволяющих установить истину по делу, а порой просто не дает возможности довести до конца следственное действие. При этом при собирании доказательств необходимо строго придерживаться процессуальных норм, регламентирующих процесс доказывания; внесение какой-либо чрезвычайной составляющей в процесс собирания доказательств, на наш взгляд, отрицательно скажется на объективности расследования.

Представляется, что оптимизировать процесс собирания доказательств можно только путем адаптации к условиям вооруженного конфликта удостоверительной стороны собирания доказательств. Усилить же удостоверительную сторону доказывания и одновременно обеспечить более «короткий» и безопасный доступ к источникам доказательств можно, используя новые технологии в области фиксации информации. Широкое применение фото-, аудио- и видеотехники в следственной практике ставит на повестку дня вопрос об альтернативных протоколированию способах фиксации доказательственной информации (ст. 84 УПК РФ). Все более широкое применение находит видеозапись, которая превосходит протоколирование и в быстроте, и в универсальности отображения обстоятельств, а самое главное — в объективности и наглядности.

Так, при получении сообщения о нанесении 8 октября 1995 г., в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996), ракетно-бомбового удара неустановленными самолетами в районе с. Рошни-Чу Урус-Мартановского района (этот факт широко освещался в средствах массовой информации) для проведения осмотра места происшествия и выполнения неотложных следственных действий была направлена следственная группа военной прокуратуры. После ее прибытия на место происшествия вокруг села начали собираться жители близлежащих населенных пунктов, возмущенные произошедшим, под

⁴ См. напр.: Яблоков Н. П. Криминалистика : учеб. М., 2003. С. 274.

прикрытием которых в село проникли и участники незаконных вооруженных формирований. Среди прибывших находились военный прокурор Чечни (Ичкерии) и его подчиненные. Вступив в переговоры с военным прокурором Ичкерии, офицеры военной прокуратуры федеральных войск, разъяснили свою позицию, предоставили возможность наблюдать за проводимыми следственными действиями по осмотру места происшествия и фиксации обстановки с помощью видео- и фотосъемки, сбору вещественных доказательств. У представителей незаконных вооруженных формирований не возникло сомнений в объективности проводимых следственных действий, и с их помощью в ходе бесед с местными жителями удалось разрядить обстановку⁵.

Таким образом, в условиях боевой обстановки особую остроту приобретают проблемы быстроты и качества осмотра места происшествия. В связи с этим представляется справедливой позиция С. В. Маликова, который предлагает в целях повышения быстроты и качества осмотра места происшествия в условиях боевой обстановки в обязательном порядке фиксировать все детали путем фотосъемки и видеозаписи, которые восполняют информацию, не нашедшую отражения в протоколе осмотра, что также значительно сокращает время проведения следственного действия⁶.

Применение фотосъемки и видеозаписи также эффективный способ наружного осмотра трупа в условиях боевых действий. Что касается самого наружного осмотра трупа на месте его обнаружения, то он должен проводиться с соблюдением общих правил осмотра (ст. 177 УПК РФ). При этом следует иметь в виду, что место обнаружения трупа, являясь местом происшествия, не всегда является местом совершения преступления.

⁵ См.: Маликов С. В. Военно-полевая криминалистика. М., 2008. С. 339–340.

⁶ См.: Маликов С. В. Правовые и организационные основы расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 362.

Несомненно, что производство осмотра трупа в районах вооруженного конфликта имеет определенную специфику, которая формируется под влиянием следующих факторов: быстро меняющихся условий боевой обстановки, частой передислокации воинских частей и подразделений, религиозных традиций местного населения и др.

Зачастую оперативно, тщательно и всесторонне произведенный осмотр трупа позволяет в дальнейшем существенно облегчить задачу следователю по расследованию преступления. Однако проведение данного следственного действия сопряжено с привлечением к участию в нем сотрудников судебно-медицинских учреждений.

Так, например, широкое распространение военная судебно-медицинская экспертиза получила в период нахождения Ограниченного контингента советских войск (далее — ОКСВ) в Афганистане (1979–1989). В Афганистан 267-я судебно-медицинская лаборатория прибыла в феврале 1980 г., имея в своем штате начальника и старшего врача-специалиста (судебно-медицинского эксперта), одного лаборанта, двух санитаров и одного водителя, и обслуживала пять военных прокуратур и госпиталя. Вскрытие трупов производилось в четырех полевых моргах — нештатных пунктах по обработке и отправке в СССР тел погибших, размещенных при медико-санитарных батальонах. Всего военные судебно-медицинские эксперты за период военных действий в Афганистане (1980–1987) выполнили большой объем работы, произведя экспертизы по исследованию 1435 трупов.

Что касается организации работы судебных медиков в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994–1996), то она была начата одновременно с вводом федеральных войск и заключалась в том, что к Владикавказскому гарнизонному госпиталю были прикомандированы один судебно-медицинский эксперт с фотоаппаратом и один патологоанатом с секционным набором без помощников и другого оснащения. Рабочие места и необходимые материалы для работы

были выделены патологоанатомической лабораторией Республики Северная Осетия—Алания. Однако отдаленность военных прокуратур от места нахождения штатного судебно-медицинского эксперта, отсутствие специалистов и необходимого оборудования для производства экспертиз привело к тому, что в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) осмотры трупов, особенно на начальном этапе расследования, проводились в лучшем случае с привлечением медицинского персонала воинских частей Минобороны РФ или Внутренних войск МВД России, а в худшем — вообще не проводились⁷.

Также в ходе ведения боевых действий на территории Чеченской Республики (1994—1996) с первых дней остро стал вопрос об опознании трупов погибших военнослужащих, производстве судебно-медицинских и патологоанатомических вскрытий, чему не было аналогов ни в годы Великой Отечественной войны (1941—1945), ни в период нахождения ОКСВ в Афганистане (1979—1989). Поэтому в январе 1995 г. при одном из трех пунктов приема, обработки и отправки тел погибших военнослужащих в Ростове-на-Дону была создана экспертная группа по идентификации неопознанных погибших военнослужащих, поступивших из Чечни, в составе девяти судебных медиков, двух видеоинженеров, двух медстатистов и санитаров-носильщиков, основными задачами которой были исследование тел погибших с установлением характера повреждений и причины смерти, выдача свидетельства о смерти, оформление протоколов и актов исследования трупов, выявление на трупах признаков издевательств и глумления, оказание помощи в опознании погибших⁸.

Кроме того, анализ опыта следственной работы в период вооруженного конфликта

в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2009) выявил и такую острую проблему, как противодействие местных жителей, преимущественно исповедующих исламскую религию, проведению подобных следственных и иных действий: освидетельствования живых лиц, судебно-медицинского исследования трупа и проведения эксгумации трупов погибших местных жителей в результате преступлений, совершенных военнослужащими и т. д. Население Чеченской Республики хоронило тела погибших (умерших) в день смерти до заката солнца, что сводило на нет усилия следователей военных следственных органов по производству осмотра тел погибших (умерших), а в случаях, когда такой осмотр удавалось произвести, из-за дефицита времени проводившие его лица допускали довольно много ошибок и неточностей, что влекло за собой в дальнейшем необходимость проведения эксгумации трупа. Зачастую сделать это было невозможно из-за категорического отказа родственников и запрета со стороны религиозных деятелей. В таких случаях представляется целесообразным по договоренности с родственниками погибших (умерших), которые, как правило, заинтересованы в наказании преступников, и с их согласия изымать видеозапись процесса омовения тел погибших (умерших), которое проводит мулла и в ходе которого он удаляет осколки и пули из трупа.

Также, на наш взгляд, в районах вооруженного конфликта следователю необходимо в обязательном порядке использовать видеокамеру или цифровые диктофоны для полной записи хода допроса с целью составления качественного протокола допроса и обеспечения дальнейшего использования видеозаписи в ходе судебного заседания.

В то же время, как показывает опыт работы военных следственных органов в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике (1994—1996) и проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе (1999—2009), существенные

⁷ См.: Гавето С. Э. Особенности расследования преступлений против военной службы в условиях чеченского конфликта. М., 1997. С. 50—51.

⁸ См.: Директива ГШ ВС РФ от 20 января 1995 г. № 314/7/0014.

трудности на практике вызывает такое следственное действие, как предъявление для опознания.

Зачастую в районах вооруженного конфликта опознание лиц проводится по их фотографиям (ч. 5 ст. 193 УПК РФ) в документах, удостоверяющих личность военнослужащего (удостоверение личности, военный билет, пропуск и т. п.), и любительским групповым фотоснимкам. При этом опознание по фотографиям проводится в тех случаях, когда потерпевший называет каких-то лиц в качестве участников преступлений, а сами эти лица не могут быть предъявлены к опознанию (скрываются, убиты, оказались в плену, ранены и находятся на излечении) или следователь военных следственных органов из тактических соображений не желает преждевременно обнаруживать свои подозрения, либо потерпевший, боясь мести или расправы, отказывается от очного опознания.

Ныне действующее законодательство предусматривает возможность предъявления для опознания только одного лица (ст. 193 УПК РФ). В условиях боевой обстановки в районах вооруженного конфликта такой порядок не всегда возможен, так как у следователя военных следственных органов нет ни надлежащих технических возможностей, ни времени, ни сил.

Особенно наглядно это проявляется в случаях, когда очевидцу предъявляют для опознания участников преступлений против гражданского населения (грабежи, изнасилования, убийства и др.), носивших массовый характер (например, при проведении так называемых «зачисток» населенных пунктов, проводимых военнослужащими Внутренних войск МВД России), которых он запомнил, по видеозаписи реальных событий. В этом случае опознаваемых может быть сразу несколько, они предстают не по отдельности в группе специально отобранных лиц, а все вместе, среди случайно оказавшихся в кадре других участников пре-

ступления. Конечно, каждого из зафиксированных на видеопленке лиц можно отдельно переснять и произвести его опознание по фотографии, предъявляемой одновременно с другими фотографиями в количестве не менее трех. Главное же, у нас нет никаких оснований полагать, что достоверность и доказательственное значение результатов такого опознания будет выше.

При этом необходимо различать опознание по видеозаписи инсценировок и реальных событий. Так, например, фрагменты инсценировок представляют собой видеозапись динамических признаков лиц, заподозренных в совершении преступлений, среди которых обычно задержанные во время совершения преступлений, доставленные на фильтрационный пункт Внутренних войск МВД России или помещенные в ИВС и СИЗО. В результате получается видеотека лиц, в отношении которых имеются предположения о причастности к преступлениям. В присутствии понятых она воспроизводится потерпевшим и очевидцам, а по результатам опознания составляется протокол⁹.

Таким образом, условия боевой обстановки обуславливают необходимость задействования следователем военных следственных органов в расследовании преступления как военных органов дознания, так и соответствующих оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений, согласованная и максимально оперативная деятельность которых существенно повысит эффективность проверки следственных и розыскных версий, определения обстоятельств, имеющих значение для дела, а также обстоятельств подлежащих проверке и установлению посредством проведения следственных действий и экспертно-криминалистических исследований.

⁹ См.: Седова Т. А., Эксархопуло А. А. Криминалистика : учеб. СПб., 2001. С. 569–570.

Материалы конференции «Диалектика уголовного процесса»

Л. А. Александрова

Сделка и соглашение при производстве по уголовным делам

Сделка — это всегда торг. Торгуясь, стороны в чем-то уступают друг другу. Сделка существовала задолго до появления возможности заключения официального соглашения с обвинением. Отрицательные черты сделки заключаются в отсутствии гарантий выполнения обещанного.

Людмила Анатольевна Александрова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральской государственной юридической
академии

Интересно характеризует сделку о признании вины Ллойд Л. Уайнреб, описывая ее как правовую традицию США.

Среди первых лиц, заинтересованных в такой сделке, автор называет полицию и органы обвинения. Признание вины устраняет необходимость судебного разбирательства, на котором могла бы быть проверена законность методов получения доказательств¹.

Далее, Л. Уайнреб развеивает миф о том, что заявление о признании вины — результат самостоятельного выбора обвиняемого. В большинстве случаев, пишет он, единственная форма осуществления защиты в состязательном процессе — неофициальный разговор накоротке между обвинителем и защитником.

¹ См.: Уайнреб Л. Л. Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., 1985. С. 96.

Такой договор между адвокатом и прокурором был заключен по делу А., моряка турецкого торгового флота, обвинявшегося в ограблениях «массажных салонов». В одном из таких салонов А. застал агента U. S. Marshal Service² при обстоятельствах, нежелательных для разглашения. Воспользовавшись случаем, А. открыто похитил всю одежду и оружие агента. Прокуратура согласилась на признание обвиняемым вины в определенном объеме в обмен на заранее оговоренное наказание. Сам обвиняемый при этом отказался от рассмотрения дела в суде присяжных, где была бы предана гласности история с агентом³.

Сделка о признании вины — это также средство осуждения обвиняемых, вину которых в случае полного судебного разбирательства установить было бы очень трудно⁴. В то же время преимущество, которое должен получить признавший вину, при сделке законом не гарантируется, поскольку сроки лишения свободы, назначаемые американскими судами, не имеют окончательно определенных границ.

Рассматривая сделку о признании вины как американскую традицию, мы допускаем некоторое лукавство. Сделка как скрытый договор в рамках производства по уголовному делу существовала и в деятельности отечественных правоприменителей. Понимая ее ущербность, непрозрачность, а порой и откровенную лживость, законодатель ее не признавал, как не признавали и многие теоретики, настаивая на необходимости точного применения законодательства. Эта позиция, безусловно, заслуживает уважения, более того, она не позволила официально признать возможность неурегулированной сделки и подтолкнула на поиск новых правовых форм.

² Федеральное агентство, занимающееся поимкой разыскиваемых преступников и беглых арестантов.

³ См.: *Старостин Д.* Американский ГУЛАГ: пять лет на звездно-полосатых нарах. Екатеринбург, 2005. С. 174.

⁴ См.: *Уайнреб Л. Л.* Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. С. 102.

Проследить наличие скрытой сделки в деятельности правоприменителя очень сложно. На это может указывать наличие в уголовном деле одного-двух косвенных доказательств и одного прямого — показаний обвиняемого (подсудимого), который бы признавал свою вину либо не слишком настаивал на своем полном оправдании.

Уголовное дело было возбуждено по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Некто Ч. обвинялся в том, что он 26 декабря 2003 г., зайдя в подвал дома, где находился пострадавший Б., на почве личных неприязненных отношений нанес ему не менее трех ударов руками и ногами в область туловища и конечностей, причинив сочетанную механическую травму.

Свидетелей, которые бы непосредственно наблюдали развитие конфликта и действия Ч., не было. Из доказательств, подтверждающих обвинение, были только заключения эксперта и специалиста, исследовавших тяжесть причиненного вреда здоровью и причину смерти. Согласно их мнению различные травмы потерпевший мог получить не в один день, причем основные — при падении с высоты своего роста. Кроме того, были показания свидетеля, который видел потерпевшего с глубокой раной на локте и слышал от него о ссоре с Ч., однако дату конфликта он назвать не смог. При признательных показаниях подсудимого Ч., оспаривавшего дату происшествия, прокурор попросил суд переквалифицировать действия Ч. с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ⁵. Материалы дела позволяли осужденному обжаловать обвинительный приговор, но он этого делать не стал.

Таким образом, о сделке можно вести речь как о нерегулируемом законодательством процессе, взаимных уступках, на которые участники уголовного процесса могут идти по любой причине для удовлетворения своих интересов.

⁵ Уголовное дело № 1-772/04 // Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга. 2004 г.

Насколько гуманнее регулируемое законом соглашение по сравнению со сделкой, можно судить по складывающейся практике у нас и за рубежом.

Интересным представляется уголовное дело в отношении Ф., колумбийского наркокурьера. Ф. перевозил расфасованные и упакованные в латекс дозы кокаина в собственном желудке. Самолет, на котором он летел в Нью-Йорк, из-за технической неисправности совершил незапланированную посадку в Филадельфии, где и задержался на целый час. Когда Ф. прилетел в Нью-Йорк, его никто не встретил. Ф. вынужден был сдать ся полиции, где ему сделали промывание желудка. Иначе бы желудочный сок разрушил латексную упаковку, а при попадании кокаина на внутренние органы человека, наступает быстрая и мучительная смерть. Поскольку Ф. не выдал полиции соучастников преступления, ему было назначено наказание в виде четырех лет лишения свободы с последующей депортацией⁶.

Что касается действующих в России специальных оснований для освобождения от уголовной ответственности, то они также представляют собой соглашение между гражданином и государством, существенно гуманизирующее соотношение между публичным и частным интересом.

Таким образом, у нас есть определенный опыт таких соглашений, который отличается отсутствием жесткого торга между сторонами. Не изменит ли ситуацию введение в УПК РФ главы 40¹?

Говоря о соглашении сторон в российском уголовном процессе, мы подразумеваем, что обвиняемый (подсудимый) официально отказывается от своего права на защиту от обвинения в суде (гл. 40 УПК РФ) и берет на себя обязанность выдать соучастников преступления (гл. 40¹ УПК РФ).

Конечно, принятый институт соглашения с обвинением несет некоторые положительные моменты. Во-первых, соглашение позволяет

легализовать в отдельных случаях сделку. Во-вторых, благодаря этому институту начинает набирать силу признание необходимости защищать интересы общества. Не случайно появились публикации, наглядно иллюстрирующие полезность применения гл. 40¹ УПК РФ для раскрытия тяжких преступлений.

В 2009 г. в Москве раскрыли почти 7600 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, поскольку самое главное в «наркотических» делах — выйти на цепочку сбыта наркотиков. Эту важнейшую информацию стало легче получать от обвиняемых, рассчитывающих на улучшение своего положения. Заключение под стражу до суда им может быть заменено подпиской о невыезде, их безопасность обеспечивают, а при применении гл. 40 УПК РФ в судебном разбирательстве гарантировано назначение не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

В Тушино, например, обнаружили подпольную лабораторию, где изготавливали наркотик амфетамин. В общежитии РХТУ им. Д. И. Менделеева в свободное от учебы время наркотик изготавливали трое студентов.

Двое других, Б. и Г., использовали для продажи наркотиков шпионский метод — «закладку». Б. получал у покупателей деньги, а Г. прятал в тайнике наркотик и наблюдал, нет ли за его подельником милицейского «хвоста». Если все было чисто, то покупателей подвозили к «закладке», указывали место и уезжали, не прикасавшись к товару. Благодаря сотрудничеству других соучастников этого преступления Б. и Г. удалось взять сличным. При обыске у них нашли весы для расфасовки «доз», следы героина в карманах одежды. Они были осуждены на длительные сроки заключения⁷.

Тем не менее у нового института еще очень много нерешенных проблем процессуального

⁶ См.: Старостин Д. Американский ГУЛАГ. С. 185.

⁷ См.: Фалалеев М. Бармен-тест // Рос. газета. 2009. 22 окт.

характера. Неизвестно, например, на какие категории дел распространяется действие гл. 40¹ УПК РФ о заключении соглашения со следствием, допускаются ли они только по делам о преступлениях, наказание за совершение которых не превышает 10 лет лишения свободы, поскольку сокращенное судебное разбирательство может быть только по этой категории дел.

Если следовать смыслу предложенных законодателем норм, данное ограничение по категории уголовных дел действует только тогда, когда обвиняемый согласился с предъявленным обвинением и заявил ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, однако соглашения о сотрудничестве до окончания предварительного следствия с правоохранительными органами не заключил.

Одним из основных условий досудебного соглашения о сотрудничестве является предоставление сведений о соучастниках преступления. Часть 4 ст. 317⁶ УПК РФ говорит о невозможности применения данного порядка, если содействие подозреваемого (обвиняемого) следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

Таким образом, заключение соглашения о сотрудничестве предполагается по делам о групповых преступлениях без ограничения тяжести содеянного. В связи с этим и действие гл. 40 УПК РФ о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства распространяется на все преступления — на основании представления прокурора, в котором оценивается значение сотрудничества с обвиняемым на стадии предварительного расследования (статьи 317⁵, 317⁶ УПК РФ).

По делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы, обвиняемый не ограничен условием выдачи соучастников. Кроме того, заявить ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства он может только после окончания предварительного расследования: либо в момент

ознакомления с материалами уголовного дела, либо на предварительном слушании (ч. 2 ст. 315 УПК РФ). Обвиняемые в совершении более тяжких преступлений могут заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования и до объявления об окончании предварительного следствия.

Может ли рассчитывать на особый порядок постановления приговора лицо, обвиняемое в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание, не превышающее 10 лет, совершившее преступление в группе, но не заключившее соглашения о сотрудничестве со следователем?

До появления в УПК главы 40¹ на этот вопрос можно было бы ответить однозначно. Законодатель не ставит никаких дополнительных условий для заявления обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства. При этом обвиняемый сохраняет за собой все права, перечисленные в ст. 47 УПК РФ, гарантируемые презумпцией невиновности (ст. 14 УПК РФ) и Конституцией (ст. 51).

Сейчас этот вопрос возникает, поскольку законодатель достаточно плотно связал между собой условия применения глав 40 и 40¹ УПК РФ, не позаботившись об их различии хотя бы по тяжести преступлений.

Дело в том, что при рассмотрении его ходатайства в суде суд должен получить согласие прокурора на рассмотрение дела в особом порядке (ч. 4 ст. 314 УПК РФ). Может ли прокурор препятствовать проведению сокращенного судебного заседания из-за того, что обвиняемый не выдал соучастников, даже если при этом он полностью согласился с обвинением?

Да, прокурор может таким образом воздействовать на обвиняемого. В действующем уголовно-процессуальном законе ничего не сказано о мотивировке решения прокурора в данном случае и об основаниях его несогласия с проведением сокращенного судебного заседания. Он может возражать против применения гл. 40 УПК РФ не только из-за

процессуальных препятствий к этому, но и исходя из собственного понимания согласия обвиняемого с предъявленным обвинением. Ссылаясь на то, что обвиняемый не раскрыл соучастников преступления, а значит на самом деле не раскаялся в содеянном, государственный обвинитель может настаивать на полном исследовании доказательств. Утяжеления квалификации обвинения в суде, конечно, быть не может (ст. 252 УПК РФ), однако наказание может быть назначено более суровое. По крайней мере, судья не может противодействовать возражению прокурора против ходатайства обвиняемого.

Законодатель сам создал эту ловушку, не растолковав условия, при которых согласие с обвинением будет играть роль. А это необходимо сделать, поскольку гл. 40¹ УПК РФ предполагает уже на стадии предварительного расследования отказ обвиняемого (подозреваемого) от права не давать показания против себя и близких родственников. По сути и бремя доказывания в какой-то мере перекладывается на его плечи, ведь в зависимости от его активности зависит содержание представления прокурора о применении сокращенного судебного разбирательства.

Диагностика достоверности показаний допрашиваемого в уголовном процессе

Не затихают до настоящего времени дискуссии о допустимости и необходимости использования в уголовном судопроизводстве полиграфа. В практике следственных органов России это техническое средство активно используется, хотя результаты его применения не обладают значением доказательства. Среди практиков и теоретиков преобладает мнение, что полученная таким образом информация носит ориентирующий характер. При этом практически никто не разъясняет, что это означает. Думается, что понимать это следует так: полученные данные являются одним из оснований для выдвижения версии. С этим утверждением можно согласиться лишь частично. Как следует из рассуждений сторонников полиграфа и авторов рекомендаций по практике его применения, в основе действия этого технического средства лежит способность регистрации признаков изменений физиологической деятельности организма человека¹: частоты дыхания, сердцебиения, изменения кровяного давления, интенсивности потоотделения и т. д. Однако подобные изменения также глубоко индивидуальны, и у одних и тех же лиц могут наблюдаться различные реакции на сходные по содержанию ситуации и, наоборот, похожие реакции на различные раздражители². Нельзя не учитывать и то, что в отечественной практике к полиграфу прибегают тогда, когда конфликт обостряется до крайних пределов, когда следствие, как правило,

Федор Валентинович Балеевских,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правовой психологии и
судебных экспертиз
Уральской государственной
юридической академии

Алексей Николаевич Бердышев,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Уральской государственной
юридической академии

исчерпало свои возможности в преодолении предполагаемого противодействия. В этих условиях любой допрашиваемый, в том числе дающий правдивые, достоверные показания, испытывает отрицательные эмоции, вызванные недоверием: отчаяние, гнев из-за невозможности преодолеть сложившуюся ситуацию, страх заслуженного или незаслуженного наказания, апатию, безразличие к сложившейся ситуации, ощущение бессилия и т. д.

Несомненно, эти эмоциональные переживания вызовут определенные психофизиологические реакции, но для того, чтобы

¹ См.: Эжман П. Психология лжи. СПб., 2000. С. 139.

² См.: Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции. М., 2006. С. 281.

по ним однозначно диагностировать ложь, нужны знания именно индивидуальных проявлений неискренности конкретного допрашиваемого. Для этого как минимум нужно выявить его реакции в обычном состоянии, при бесконфликтном общении, характеризующемся искренностью и доверием партнеров.

Не менее важно получить информацию о свойствах темперамента, волевых и интеллектуальных качествах допрашиваемого перед испытанием на полиграфе. Представляется, что у более эмоциональных субъектов, быстро переходящих от спокойного к тревожному состоянию, не обладающих способностями скрывать переживаемые волнения, тревогу, внешние проявления таких реакций заметнее. Лица, не отличающиеся сообразительностью, характеризующиеся замедленной реакцией, выдержкой, по нашему мнению, в меньшей степени проявляют отрицательные эмоции.

Следует отметить, что качество информации, полученной с помощью проверки на полиграфе, зависит от точности используемых приборов. Метрологический контроль, калибровка с указанием допустимой погрешности технических средств — эти вопросы требуют отдельного обсуждения³.

Нельзя забывать, что результаты исследования на полиграфе не являются доказательством. На это указал Верховный Суд РФ в кассационном определении от 07.06.2007 по делу № 91-о07-9СП. Таковыми в соответствии с пп. 1—2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ являются показания допрашиваемого, полученные и зафиксированные в соответствии с требованиями закона. Сам полиграф не может рассматриваться в качестве технического средства получения и фиксации показаний. Скорее он является средством оценки полученных показаний. Однако в соответствии со ст. 88 УПК РФ оценка осуществляется су-

дом, следователем, прокурором. Оператор полиграфа, несомненно, обладает специальными познаниями, но, на наш взгляд, не может быть признан специалистом, привлекаемым для участия в процессе по правилам ст. 58 УПК РФ. В названной норме указывается, что специалистом может быть лицо, привлекаемое для обнаружения и изъятия предметов, документов, содействия в применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела. Испытание на полиграфе не подпадает под перечень действий, для выполнения которых на основании ч. 1 ст. 58 УПК РФ может привлекаться специалист. По-видимому, по этим причинам результаты испытания на полиграфе в настоящее время фиксируются в справках и актах.

Не менее интересным является и вопрос о возможности диагностики лживости показаний в ходе судебно-психологической экспертизы. Ряд авторов полагают, что для разрешения названной экспертизы возможна постановка вопроса о мотивах изменения допрашиваемым ранее данных показаний. Свою позицию они обосновывают тем, что «приемы защиты преступников носят подсознательный характер», в связи с чем для выявления скрытых механизмов самозащиты, мотивации изменения показаний требуется проведение судебно-психологической экспертизы⁴. Несмотря на попытки авторов замаскировать истинные цели подобных экспертных исследований указанием на мотивы изменения показаний, понятно, что речь идет прежде всего об оценке достоверности показаний. Представляется, что заключения экспертов по этому поводу не могут быть признаны допустимыми доказательствами по нескольким причинам. Прежде всего, решение этого вопроса так или иначе касается определения виновности допрашиваемого. Если речь идет о подозреваемых, обвиняемых, ранее признававших свою вину, а затем

³ См.: Федюнин А. Е. Актуальные проблемы использования в доказывании материалов, полученных с использованием технических средств // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений*. М., 2005. Ч. 2. С. 155.

⁴ См.: Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы. Иркутск, 2002. С. 71.

заявивших о невиновности, то эксперт, устанавливая мотивы таких утверждений, не может обойти вопрос об их достоверности, а следовательно о причастности указанных субъектов к инкриминируемым деяниям. Аналогичным образом обстоит дело и с проведением такого рода экспертиз в отношении свидетелей, меняющих показания. Какие-то из них должны быть признаны ложными, за них предусмотрена уголовная ответственность. Вопросы же доказывания виновности не относятся к компетенции эксперта. По этим причинам подобные заключения экспертов не могут иметь доказательственного значения.

Несомненно, идея установления достоверности показаний в уголовном процессе с помощью специальных технических средств и научных познаний весьма привлекательна. Но закрепленные в отечественном уголовно-процессуальном праве правила доказывания в

настоящее время исключают использование результатов испытаний на полиграфе и экспертного исследования в качестве доказательств недостоверности показаний. Доказывание представляет собой особый познавательный процесс, состоящий из собирания, проверки и оценки доказательств. Каждое из них должно быть относимым, допустимым и достоверным. Представляется, что полученные при помощи анализируемых средств данные не отвечают предъявляемым требованиям. Однако они могут использоваться в качестве оснований для выдвижения версий о даче ложных показаний. Следует отметить, что такие сведения, как правило, являются не единственными основаниями для таких версий. Обычно экспертиза и испытания на полиграфе проводятся тогда, когда по поводу достоверности показаний определенных лиц возникают сомнения.

Проблемы проверки и оценки допустимости доказательств в суде присяжных

Негативное с некоторых пор отношение российских властей к институту суда с участием присяжных заседателей, выразившееся пока что в ограничении его компетенции, но чреватое и другими проектами его «совершенствования», вплоть до фактического преобразования в суд шеффенов, вызвало в значительной части юридического сообщества четкую и, увы, безотказную, как физиологический рефлекс, ответную верноподданническую реакцию — волну острокритических публикаций, посвященных этой форме судебного разбирательства и ставящих под сомнение само существование данного суда. К сожалению, помимо последовательных противников суда с участием присяжных к данной кампании (назвать ее дискуссией язык не поворачивается) присоединилось немало и тех, кто в пору благосклонного отношения власть предержащих к данному институту проявлял себя как ярый его сторонник.

Максим Сергеевич Белоковылский,
адвокат Первомайской коллегии
адвокатов г. Ижевска

Безусловно поддерживая необходимость и целесообразность существования «суда народной совести» в отечественном уголовном судопроизводстве и дальнейшего расширения его компетенции, автор настоящей статьи вполне осознает и наличие определенных проблем, возникающих в ходе судебного разбирательства в суде с участием присяжных, в частности проблем проверки и оценки допустимости доказательств. Представляется, однако, что данные затруднения носят отнюдь не системный, неустранимый характер и вполне могут быть преодолены как умеренным вмешательством законодателя, так и единообразной, недвусмысленно артикулированной и официально опубликованной судебной практикой. Цель настоящей статьи — выявить проблемы, возникающие при проверке и оценке допустимости доказательств в суде с участием присяжных, проанализировать их и предложить варианты решения.

Основными проблемами проверки и оценки допустимости доказательств в судебном разбирательстве с участием присяжных, на наш взгляд, являются следующие.

Проблема первая. Изъятий из запрета на исследование данных о личности подсудимого до вынесения последствий

вердикта ни положения ч. 8 ст. 335, ни иные статьи УПК РФ 2001 г. (далее — УПК) не содержат. Само это положение, характерное для правовой системы стран общего права, но неизвестное уголовному процессу пореформенной (с 1864 по 1917 г.) России, создает определенные коллизии.

В странах общего права существование данного запрета вполне оправдано, так как обеспечивает сосредоточенность присяжных, не входящих в вопрос о наказании, лишь на вопросах события и состава преступления, предотвращая зависимость содержания вердикта от данных о личности подсудимого. Другое дело современный российский суд присяжных, где присяжные, помимо вопроса о событии преступления, совершении инкриминируемого деяния подсудимым и его вине (пп. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 299 УПК), принимают участие и в решении вопроса о наказании посредством ответа на вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения (ч. 1 ст. 334 УПК). Оставив разрешение последнего вопроса в компетенции присяжных, что имело место еще в ст. 814 Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС), при одновременном заимствовании характерного для англосаксонского уголовного процесса правила о несправедливом предубеждении, повлекшем за собой запрет на исследование в присутствии присяжных данных о личности подсудимого, отечественный законодатель создал проблему: как решить вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения при запрете на оглашение данных, могущих вызвать предубеждение против подсудимого?¹ На скудость доказательственной базы при решении данного вопроса указывают ряд авторов².

¹ См., напр.: *Понятовская Т. Г.* Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996. С. 142–143; *Демичев А. А.* Перспективы российского суда присяжных // Государство и право. 2002. № 11. С. 101–104.

² См., напр.: *Белкин А. Р.* Сомнительные плюсы и несомненные минусы // Стратегии уголовного судопроизводства. М., 2008. С. 31–50; *Мельник В. В.* Искусство доказывания в состязании

Как снять данное противоречие? Видятся три варианта его разрешения.

1. Предоставить возможным сторонам обжаловать решения суда по вопросу допустимости доказательств, относящихся к личности подсудимого в кассационном порядке³. Данный вариант представляется неприемлемым, поскольку обжалование такого рода промежуточных решений суда отдельно от итогового решения неправомерно, так как противоречит принципу независимости суда, что соответствует и позиции Конституционного Суда РФ⁴.

2. Лишить присяжных заседателей полномочий по разрешению вопроса о снисхождении к подсудимому, тем самым сделав еще один шаг в сторону англо-американской модели суда присяжных. Этот вариант также представляется нежелательным, поскольку привлечение народных представителей к участию (пусть и в определенных пределах) в решении вопроса о наказании идет только на пользу правосудию⁵.

тельном уголовном процессе. М., 2000. С. 49–50; *Петрухин И. Л.* Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. 2001. № 3. С. 5–15.

³ Такой вывод явствует из диссертации А. В. Горбачева (см.: *Горбачев А. В.* Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11, 15).

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 28. Ст. 3393.

⁵ Так, исследования, проводившиеся в СССР в 1970-е гг., направленные на изучение участия народных заседателей в постановлении приговора, показали, что, если их позиция по вопросам установления фактических обстоятельств дела и квалификации, как правило, совпадала с позицией председательствующего, то по вопросам назначения наказания разногласия между профессиональным и непрофессиональным составом суда проявлялись довольно часто (см.: *Понеделков М. И.* Участие народных заседателей в рассмотрении уголовных дел. М., 1978. С. 62–65).

Кроме того, не связанные обязанностью мотивировать приговор присяжные, усмотревшие в деле некие извиняющие или смягчающие вину подсудимого обстоятельства, но лишённые права выразить это через указание на то, что подсудимый заслуживает снисхождения, могут разрешить коллизию между требованием закона и совести вынесением в подобных случаях оправдательного вердикта⁶. Данную возможность учитывал и законодатель при принятии УУС 1864 г.: «При действии наших, в некоторых случаях строгих, законов о наказаниях должно дать присяжным подобное право, дабы отнять у них неизбежное без того побуждение к оправданию таких преступников, которые, в случае признания их виновными, подлежали бы по закону, строгому взысканию»⁷. В связи с этим вариант снятия присяжными противоречия в виде признания обвиняемого виновным, но заслуживающим снисхождения гораздо более соответствует уголовному и уголовно-процессуальному принципу правосудия⁸.

⁶ См., напр.: Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 336–337, 340–343; Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. С. 262–275; Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению. СПб., 1879. С. 6.

⁷ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, съ изложением разсуждений, на коихъ они основаны, изданные Государственною Канцеляріею. Уставъ уголовного судопроизводства. СПб., 1867. Ч. 2. С. 308.

⁸ В этом смысле нельзя одобрить сужение компетенции присяжных при решении вопроса о наказании в УПК РФ 2001 г. путем отказа законодателя от предоставления коллегии присяжных полномочия признавать подсудимого заслуживающим особого снисхождения, как это было предусмотрено в ч. 1 ст. 435, ч. 3 ст. 449, ч. 7 ст. 451, ст. 460 УПК РСФСР 1960 г. Напротив, расширение полномочий присяжных при решении вопросов о наказании представляется эффективным средством предотвращения вынесения обвинительных приговоров при убеждении присяжных в виновности подсудимого. В качестве примера эффективного средства против вынесения присяжными неосновательных приговоров И. Я. Фойницкий приводит изменения

3. Снять запрет на исследование в суде с участием присяжных фактов, связанных с прошлой судимостью, и другие сведения, отрицательно характеризующие личность подсудимого⁹.

Данный вариант представляется также нежелательным: опасность несправедливого предубеждения, влекущего за собой вывод о виновности подсудимого на основании негативных фактов его биографии, т. е. установление виновности на основе неотносимых доказательств без возможности исправить данную ошибку в вышестоящем суде (в силу запрета на обжалование вердикта по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 379 УПК), слишком велика. Помимо этого полное снятие ограничений на исследование данных о личности подсудимого противоречит и судебной практике, сформировавшейся в пореформенной России (1864–1917), получившей свое отражение в кассационных определениях Сената¹⁰.

в уголовном процессе Франции, где с 1832 г. введено право присяжных признавать осужденного подсудимого заслуживающим снисхождения и корреспондируемую ему обязанность коронного состава суда понизить наказание в степени (роде). С этого момента, как убедительно показывает И. Я. Фойницкий, подкрепляя вывод данными статистики, количество оправдательных вердиктов существенно уменьшилось (см.: Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению. С. 49–50).

⁹ См.: Зубков С. Суд присяжных состоялся // Рос. юстиция. 1998. № 12. С. 8. Предложение о смягчении запрета на ознакомление присяжных со сведениями, характеризующими личность подсудимого, высказывает и М. В. Немыгина (см.: Немыгина М. В. Российский суд присяжных. М., 1996. С. 66).

¹⁰ См., напр.: Кассационное решение Уголовного кассационного департамента Сената 1869 г. № 686, обязывающее председателя объяснять присяжным значение оглашенных справок о судимости подсудимого; кассационное решение 1867 г. № 613, подтверждающее право защитника предьявлять возражения против справок о прежней судимости подсудимого (см.: Решения уголовно-кассационного департамента, разъясняющие Уставъ уголовного судопроизводства с приложениемъ. СПб., 1972. Т. 3. С. 320–321).

4. Оставить вопрос о снисхождении в компетенции присяжных, однако ставить его уже после вынесения вердикта, в случае если вердикт — обвинительный, когда присяжные дали ответ на вопрос о событии, составе преступления и виновности подсудимого. При обсуждении вопроса о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения, запрет на исследование сведений о прошлой судимости подсудимого и иных сведений, могущих вызвать в отношении него несправедливое предубеждение, снимается. Такой вариант, предложенный В. В. Мельником, представляется оптимальным, гарантирующим права и интересы как стороны защиты, так и стороны обвинения¹¹.

5. В дополнение к предыдущему предложению, на наш взгляд, необходимо предусмотреть также правовую возможность исследования данных о личности подсудимого при рассмотрении дела с участием присяжных в определенных случаях. Представляется, исключения из правила о несправедливом предубеждении возможно при наличии одного из следующих условий:

а) в том случае, когда данные о личности подсудимого настолько тесно связаны с правилом о несправедливом предубеждении, что запрет на их исследование с участием присяжных равнозначен невозможности установления фактов, входящих в предмет доказывания.

Судебная практика подтверждает правомерность исключения из правила о несправедливом предубеждении при наличии данного условия. Так, авторы научно-практического пособия «Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел» указывают: «аналогично должны разрешаться эти вопросы (т. е. признаваться подлежащими исследованию в судебном заседании с участием присяжных. — М. Б.) и в случаях обвинения лица в совершении преступления в местах лишения свободы, поскольку эти данные могут касаться если не юридической оценки содеянного, то установления обстоятельств

совершения преступления, подлежащих, в силу ст. 73 УПК РФ, обязательному доказыванию как признак состава преступления»¹²;

б) в том случае, когда исследование перед присяжными данных о личности, содержащихся в приведенном доказательстве, больше служит защите прав подсудимого, нежели запрет на исследование этих сведений, и при наличии соответствующего ходатайства подсудимого или его защитника.

Правомерность второго условия исключения из правила о «несправедливом предубеждении» проистекает, по мнению автора настоящей работы, из позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ по аналогичному делу¹³.

Ответ о правомерности второго условия в судебной практике Верховного Суда РФ отсутствует. Что касается кассационной и надзорной практики областных и соответствующих им судов, то по данному вопросу она также не отличается единообразием.

¹² Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел / под ред. А. В. Галаховой. М., 2006. С. 502. Соответствующим законом признает Верховный Суд РФ в Определении Судебной коллегии по уголовным делам по делу № 93-005-5сп оглашение сведений о судимости подсудимого, осужденного за умышленное убийство потерпевшей в связи с выполнением ею общественного долга (дача свидетельских показаний и представление доказательств, избоблачающих подсудимого в совершении им преступлений) (см.: Там же. С. 501).

¹³ Так, признав целью свидетельского иммунитета защитника — гарантию получения подозреваемым, обвиняемым квалифицированной юридической помощи и соблюдения адвокатской тайны, Конституционный Суд РФ разрешил производить допрос защитника в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставшим ему известным и в связи с участием в производстве по уголовному делу, по ходатайству подзащитного и с согласия самого защитника (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О «По жалобе гражданина Цицишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 2060).

¹¹ См.: Мельник В. В. Искусство доказывания в состязательном уголовном процессе. С. 49–50.

Показателен следующий пример из судебной практики. При рассмотрении Верховным судом Удмуртской Республики с участием присяжных уголовного дела защитник одного из подсудимых, оспаривая обвинение, сослался на то, что во время совершения одного из инкриминируемых его подзащитному деяний тот отбывал наказание в местах лишения свободы, чему есть документальное подтверждение. Однако адвокат был остановлен председательствующим: недопустимо сообщать присяжным сведения, могущие вызвать несправедливое предубеждение в отношении подсудимого¹⁴. Представляется, что в данном случае суд принял неправильное решение, отдав предпочтение буквальному толкованию нормы ч. 8 ст. 335 УПК, без учета ее назначения, как безусловному запрету.

Проблема вторая. Целесообразен ли общий запрет на оглашение процессуальных документов?

Пленум Верховного Суда РФ в пп. 2 п. 21 Постановления № 23 от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»¹⁵, указывает на то, что «в присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию процессуальные решения — постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, а также не подлежат обсуждению и разрешению вопросы и ходатайства, направленные на обеспечение условий судебного разбирательства, такие, как принудительный привод потерпевших, свидетелей, отводы участникам процесса, вопросы, касающиеся меры пресечения, и другие вопросы, не

входящие в компетенцию присяжных заседателей и способные вызвать их предубеждение в отношении подсудимого и других участников процесса».

Подпункт 3 п. 21 прямо запрещает «оглашение приговора по другому делу в отношении ранее осужденного соучастника (соучастников). Согласно ст. 74 УПК РФ такой приговор не является доказательством по рассматриваемому делу и в соответствии со ст. 90 УПК РФ не может предрешать виновность подсудимого. Оглашение такого приговора следует расценивать как незаконное воздействие на присяжных заседателей, которое может повлиять на их ответы на поставленные вопросы и соответственно повлечь за собой отмену приговора».

Существующая судебная практика трактует эти разъяснения высшей судебной инстанции как абсолютный запрет на оглашение в присутствии присяжных указанных процессуальных документов. Представляется, однако, что позиция Верховного Суда РФ, сформулированная в указанном Постановлении пленума, не состоит в абсолютном запрете на оглашение приговора в отношении ранее осужденного соучастника (соучастников); возможность же оглашения процессуальных документов ставится в зависимость от их способности вызвать предубеждение в отношении подсудимого и других участников процесса.

К примеру, одним из доказательств обвинения являются показания одного из соучастников (по версии органа следствия), в котором он изобличает себя и других обвиняемых в совершении преступления. Однако первоначально, на предварительном следствии, он не давал показаний либо давал показания, в которых отрицал свою вину и вину других подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений. После того как он дал признательные показания на предварительном следствии, ему была изменена мера пресечения на более мягкую, чем содержание под стражей, или обвинение было переквалифицировано в отношении него на менее тяжкое.

¹⁴ Дело № 2-1/05. Т. 34. Л. д. 68 // Архив Верховного суда Удмуртской Республики.

¹⁵ См.: Постановление № 23 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 1. С. 2–11.

Представляется, что сторона защиты, оспаривая достоверность указанных показаний, имеет полное право просить об оглашении постановления об изменении меры пресечения или постановления о привлечении в качестве обвиняемого, чтобы иметь возможность подтвердить свой тезис об оговоре и его мотивах¹⁶. То же самое, на наш взгляд, относится и к возможности оглашения иных процессуальных документов, содержащих сведения, могущие быть учтенными присяжными при оценке достоверности того или иного доказательства. Так, применительно к упомянутой выше оценке показаний свидетеля, изобличающих подсудимых, достоверность которых сторона защиты оспаривает, это может быть и заключенное ими досудебное соглашение о сотрудничестве как подтверждение мотива оговора¹⁷.

Проблема третья. Рассмотрение уголовного дела с участием присяжных создает дополнительные проблемы с допустимостью заключения эксперта в качестве доказательства. И это в первую очередь относится к экспертным заключениям психиатров и психологов.

В целях предотвращения возникновения у присяжных несправедливого предубеждения против подсудимого, уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд мер. К ним отно-

сятся, в частности, упомянутые ограничения и запреты и ограничения на исследование личности подсудимого, установленные ч. 8 ст. 335 УПК. При этом законодатель стремится к недопущению указанных сведений и в производном виде. На это направлена норма, содержащаяся в частях 1–2 ст. 335 УПК, в которой предписывается начинать судебное следствие не оглашением обвинительного заключения, как при рассмотрении дела в общем порядке, а вступительным заявлением государственного обвинителя, не содержащем перечня доказательств.

Между тем заключения как экспертов-психологов, так и экспертов-психиатров, базируясь на исследовании личности подсудимого, предполагают изложение содержания сведений, полученных из представленных на экспертизу объектов и материалов (п. 7 ч. 1 ст. 204 УПК), к которым относятся как собранные по делу доказательства, так и сведения, полученные от подэкспертного.

Возникает вопрос, каким образом производить исследование данного заключения экспертов в судебном заседании.

Возможных вариантов тут три:

1) огласить заключение эксперта (экспертов) лишь частично, опустив сведения, могущие вызвать несправедливое предубеждение против подсудимого¹⁸. Недостаток этого варианта в том, что возможность оценки при-

¹⁶ Существующая судебная практика, однако, лишает подсудимого такой возможности (см., напр.: Обзор судебной коллегии Верховного Суда РФ по делам, рассмотренным судами с участием присяжных заседателей в 2003 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2004. № 6. С. 28–32; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. № 4 кпО03-13сп (извлечение) // Там же. № 7. С. 17–18; Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2004 № 19-о04-6сп (извлечение) // Там же. № 1. С. 15–16; Определение Верховного Суда РФ от 23 октября 2008 г. № 78-О08-95сп // Справочная правовая система Консультант Плюс.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Белоковыльский М. С., Гуртовенко Э. С. Спорные вопросы главы 401 УПК РФ // Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам. Ижевск, 2010. С. 78–79.

¹⁸ Указание на правомерность такого варианта содержится в Кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.07.2009 № 66-О09-76сп // Справочная правовая система Консультант Плюс. В указанном определении присяжным были оглашены выводы из заключения судебной психолого-психиатрической экспертизы в части установления признаков группы, лидерства, подверженности влиянию, наличия либо отсутствия устойчивой связи между обвиняемыми; при этом иные сведения, характеризующие подсудимых, а также способные вызвать предубеждение присяжных к ним, в том числе справки о вменяемости подсудимых и состоянии их здоровья, с участием присяжных заседателей не исследовались. Аналогичная правовая позиция сформулирована также в Определении Верховного Суда РФ

сяжными данного заключения с точки зрения достоверности, которое предполагает в том числе и анализ согласуемости исследовательской части с выводом, полноты и всесторонности экспертного исследования, существенно ограничивается.

2. Огласить заключение эксперта (экспертов) в полном объеме, но с последующим разъяснением председательствующим присяжным о том, что сведения о подсудимом они должны использовать лишь для оценки достоверности заключения эксперта, а не для установления других фактов, входящих в предмет доказывания с их участием. Этот вариант также небезупречен, так как, во-первых, изначально председательствующим сознательно допускается нарушение требований ч. 8 ст. 335 УПК, а во-вторых, как уже было сказано выше, разъяснение присяжным невозможности принять во внимание определенные сведения — сомнительное с точки зрения эффективности средство устранения уголовно-процессуального нарушения.

Представляется, что выработать в данном случае такой идеальный режим оглашения заключения экспертов, чтобы и оградить присяжных от несправедливого убеждения, и предоставить им полную возможность оценить достоверность заключения эксперта, вряд ли возможно.

Попробуем в таком случае выбрать вариант оптимального режима оглашения. Суть его

от 10.08.2006 № 44-о06-70СП (см.: Справочная правовая система Консультант Плюс). Согласно данному определению, поскольку в присутствии присяжных заседателей исследуются только те фактические обстоятельства дела, доказанность которых устанавливается присяжными в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ, пояснения экспертов о методах проведения экспертизы, процессуальных вопросах, связанных с их проведением, выходили за рамки предъявленного обвинения и обоснованно были даны в отсутствие коллегии присяжных заседателей (см. также: Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.08.2005 № 58-о05-33сп // Справочная правовая система Консультант Плюс).

в следующем. Перед оглашением председательствующий проводит закрытое судебное заседание в отсутствие присяжных, в котором принимают участие государственный обвинитель, потерпевший, его представители, подсудимый, его защитник. При этом у стороны защиты (поскольку правила, направленные на запрет исследования с участием присяжных ряда сведений о личности подсудимого, установлены в интересах подсудимого как гарантия от несправедливого предубеждения) выясняется, есть ли у нее возражения против оглашения заключения целиком.

В том случае если возражения отсутствуют, заключение эксперта (экспертов) оглашается в суде с участием присяжных целиком. После этого председательствующий разъясняет присяжным, что сведения о подсудимом они должны использовать лишь для оценки достоверности заключения эксперта, но не для установления других фактов, входящих в предмет доказывания с их участием.

Если же против оглашения заключения полностью имеются возражения, оно оглашается, за исключением данных, могущих вызвать предубеждение против подсудимого в той части, в которой против них возражала сторона защиты. При этом присяжным разъясняется право задавать вопросы эксперту (экспертам). В том случае если эксперт (эксперты) для ответа на заданный вопрос вынужден сослаться на сведения о личности, могущие вызвать несправедливое предубеждение, он сообщает об этом председательствующему, который принимает решение об оглашении заключения в той части, в какой это необходимо эксперту для ответа на заданный вопрос. После этого председательствующий разъясняет присяжным, что сведения о подсудимом они должны использовать лишь для оценки достоверности заключения эксперта, но не для установления других фактов, входящих в предмет доказывания с их участием.

В целях ориентации правоприменителя на правильное и единообразное применение закона желательно внесение соответствующих изменений в УПК.

Проблема четвертая. Допустимость ссылок на мнения авторов научных трудов. Хотя данный вопрос и не получил своего освещения в литературе, посвященной современному российскому суду присяжных, он активно обсуждался в науке уголовного процесса пореформенной дореволюционной России. Представляется, однако, что проблема допустимости и условий ссылок на литературные источники в суде присяжных не утратила своей актуальности и в наши дни. Это относится в первую очередь к научным трудам авторов по теме, общей с предметом произведенной по делу судебной экспертизы. Как правило, цель стороны, ссылающейся на подобное сочинение, — подвергнуть сомнению правильность примененного экспертами метода либо обосновать необходимость использования специальных познаний, по большей части в форме назначения и производства судебной экспертизы. Содержащиеся в данных работах сведения, как правило освященные авторитетом научного имени и регалий автора, могут в значительной степени подорвать доверие присяжных к заключению эксперта.

Так, профессор Л. Е. Владимиров, полагая возможным для эксперта ссылку на мнение ученого авторитета «как на один из мотивов эксперта, дающего свое научное заключение», отрицает право сторон на подобные ссылки, аргументируя это следующим: «Во-первых, сторона не призвана в качестве эксперта для разъяснения известного обстоятельства; во-вторых, приводя мнение авторитета, например из области медицины, сторона вводит нового эксперта, который дает свое заключение без присяги и не подвергается перекрестному допросу»¹⁹. Напротив, И. Я. Фойницкий, рассматривая сочинения как особый вид письменных доказательств, полагал возможным их использование: «Бывают случаи, что для разъяснения дела оказывается нужным и полезным ознакомиться с ними — или как с советом специалиста, или для проверки точности ка-

кого-либо содержащегося в деле указания и т. п. Воспреещение уголовному суду пользоваться этим доказательством было бы непolitично и вредно для правосудия, но пользование им должно быть поставлено в общие рамки, установленные для доказательств»²⁰.

С нашей точки зрения, ссылки на мнения авторов опубликованных научных трудов вполне правомерны по следующим причинам:

1) данная ссылка будет свидетельствовать лишь о наличии в научном мире позиции по вопросу, имеющему, прямо или косвенно, отношение к рассматриваемому делу;

2) запрет на использование содержания опубликованных научных трудов неправомерно ограничил бы реализацию процессуальных прав тех участников процесса, которые, в силу материальных причин (отсутствие средств, дальности расстояния между местом рассмотрения дела и местом жительства лица, обладающего специальными познаниями и т. д.), не могут себе позволить обеспечить в суд явку специалиста для допроса его в порядке ч. 4 ст. 271 УПК;

3) стороны вправе оспаривать доведенное до сведения присяжных содержание научных публикаций, а равно и тезис, который данные публикации подтверждают, с помощью любых процессуальных средств: других научных публикаций; допросов и заключений экспертов и специалистов; анализа применимости содержания приведенных публикаций к данному конкретному случаю.

Представляется, что требование проверки доказательств, содержащееся в ст. 87 УПК РФ, предполагает, что осуществлению права огласить перед присяжными научные публикации (их фрагменты) должно предшествовать выполнение следующих двух условий: а) подтверждение факта наличия такого научного труда; б) подтверждение факта его опубликования.

Следует согласиться с мнением И. Я. Фойницкого, обусловливавшего возможность ссы-

¹⁹ Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 143.

²⁰ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 313.

латься на сочинения в прениях предварительным представлением его суду в ходе судебного следствия, обеспечив тем самым противоположной стороне возможность подвергнуть его критике²¹.

Проблема пятая. Анализ запрета на озвучивание присяжных с данными, могущими вызвать несправедливое предубеждение, приводит к выводу, что основанием недопустимости данной группы доказательств являются не пороки их процессуальной формы или носителя (субстрата), что характерно для общих правил допустимости, а пороки их содержания, т. е. презюмируется их заведомая недостоверность, также относящаяся к оценке содержания доказательства. Такое распространение норм о допустимости на сферу, к которой традиционно применимы нормы о достоверности доказательств, порой приводит правоприменителя к неправомерному смешению данных критериев оценки доказательств и в итоге к ошибочному признанию доказательств недопустимыми, что отмечается некоторыми авторами²². К сожалению, пример

подобного смешения демонстрирует и сам Верховный Суд РФ в официально опубликованных решениях²³.

Аналогичная проблема возникает, когда сведения, которые суд запрещает оглашать присяжным, относятся как к допустимости, так и к достоверности доказательств. Некоторые авторы предлагают в данной коллизии принимать решение об исследовании присяжными данной категории доказательств²⁴.

На наш взгляд, путей решения данной проблемы два. Первый: формирование судами, и прежде всего Верховным Судом РФ, на основе обобщенной практики мотивированных правовых позиций по частным вопросам допустимости доказательств с обязательным их официальным опубликованием²⁵. Путь второй: при отсутствии правила либо при убеждении судьи в том, что буквальное следование правилу идет вразрез с интересами правосудия, предоставить суду право в каждом конкретном случае исходить из приоритета того, что является более ценным для осуществления правосудия — опасность несправедливого предубеждения либо доказательственная ценность представляемой информации.

²¹ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 313. Данная точка зрения полностью соответствовала правовой позиции уголовного кассационного департамента Сената, согласно которой, в частности, председатель не имел права в своей речи присяжным ссылаться на факты, не бывшие предметом судебного следствия и заключительных прений; в том числе не мог при оценке показаний экспертов «ссылаться на сочинения, кои не были указываемы при разбирательстве дела». В противном случае происходило нарушение принципа состязательности и равноправия сторон в процессе, которые лишены возможности опровергнуть приведенное мнение автора сочинения (см.: Решения уголовно-кассационного департамента, разъясняющие Устав уголовного судопроизводства с приложением. С. 480–481).

²² См.: Стабров Н. И. Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных // Журн. рос. права. 2006. № 11. С. 32–38.

²³ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 04.02.2004 № 19-О 04-6сп (извлечение) // Бюл. Верховного Суда РФ. 2005. № 1. С. 15–16; Степалин В. Почему отменяются оправдательные приговоры в суде присяжных? // Рос. юстиция. 1998. № 8. С. 8.

²⁴ См.: Стабров Н. И. Рассмотрение ходатайств о недопустимости доказательств в Российской Федерации в суде присяжных. С. 33–34.

²⁵ В качестве положительного примера такого обобщения можно назвать действующие в США Федеральные правила доказывания — Federal Rules of Evidence.

А. А. Давлетов, Н. В. Азаренок

Проблемы реализации в УПК РФ права на квалифицированную юридическую помощь

Одной из существенных гарантий обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов человека в демократическом обществе является возможность получения от государства помощи в тех или иных правовых ситуациях.

Следует выделить два направления такой помощи. Первое — разрешение полномочными органами государства различных юридических фактов с целью восстановления нарушенных прав и интересов физических или юридических лиц. В уголовном судопроизводстве это прежде всего защита потерпевших от преступных посягательств путем уголовного преследования виновных лиц. Данная форма содействия нашла отражение в статьях 45, 46 Конституции РФ, в частности в праве каждого на судебную защиту.

Ахтям Ахатович Давлетов,
доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса Уральской
государственной юридической академии

Николай Васильевич Азаренок,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса Уральского
юридического института МВД России

Второе направление получило закрепление в ст. 48 Конституции РФ в такой формулировке: «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи». Конституционно-правовой смысл этого требования видится в следующих положениях:

1. Право на квалифицированную юридическую помощь имеет каждый. Это означает, что оно дано как физическому, так и юридическому лицу; как гражданину России, так и иностранцу или лицу без гражданства; как наделяемому официальным правовым статусом участника юридической процедуры, так и не имеющему его. Поэтому право на получение квалифицированной юридической помощи в числе других основных прав и свобод составляет основу правового статуса личности и как конституционное право обладает наивысшей юридической силой и подлежит повышенной защите¹.

2. Реализация данного права возможна в любой области правоприменительной деятельности. Это не только все формы судопроизводства: конституционное, гражданское, арбитражное, уголовное, административное, но и иные сферы разрешения юри-

¹ См.: Шумилов Ю. И. Юридическая природа квалифицированной юридической помощи // Образование и право. 2009. № 9. С. 25.

дически значимых фактов. Причем лицо может воспользоваться предоставленным ему правом в любой момент по своему усмотрению, т. е. на любом этапе, стадии производства юридического процесса.

3. Слово «помощь» означает содействие кого-либо иному лицу в выходе из сложной ситуации. В юридической сфере такое положение предстает в виде состояния правового бедствия. Лицо, оказавшееся в нем, ставится перед выбором: либо действовать самостоятельно, либо прибегнуть к помощи извне.

При этом необходимость помощи определяется самим нуждающимся в ней. В одних случаях лицо ограничивается самозащитой, а в других обращается к сторонней помощи. Однако в некоторых ситуациях государство обязывает использовать помощь, например, в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ (обязательное участие защитника).

4. Оказываемая помощь должна быть юридически квалифицированной. Это требование относится к лицу, оказывающему содействие, и заключается в его способности качественно отстаивать права и законные интересы бедствующего субъекта.

Следует различать два уровня оценки качества юридической помощи. Первый — формальный. Он определяется наличием юридического образования лица, оказывающего помощь, подтвержденного дипломом юриста. Дополнительным критерием можно считать обладание этим лицом статуса адвоката. В зависимости от значимости правовой ситуации законодатель связывает оказание юридической помощи с указанными критериями. Так, на досудебном этапе уголовного судопроизводства в качестве защитника допускаются только адвокаты (ч. 2 ст. 49 УПК РФ).

Второй уровень качества юридической помощи содержательный. Он оценивается самим лицом, нуждающимся в помощи, и выражается в возможности свободного выбора им адвоката или иного юриста по соглашению.

При этом следует учитывать, что реализация данного положения в публичных и частноправовых отраслях права различна. Так,

в гражданских правоотношениях, построенных на основе диспозитивности, участники сами, на свой страх и риск, избирают субъекта, который, по их мнению, способен оказать им квалифицированную юридическую помощь и, по сути, разделяют с ним ответственность за конечный результат. Государство не навязывает сторонам услуги адвоката или иного лица. По-другому обстоит дело в уголовном судопроизводстве, где доминирует публичный интерес. Здесь приоритет в предоставлении квалифицированной юридической помощи отдан адвокату, так как только он отвечает всем установленным законом требованиям и является профессиональным юристом, специализирующимся на защите прав, свобод и законных интересов личности.

Таким образом, конституционное значение права каждого на получение квалифицированной юридической помощи абсолютно, универсально и всеобъемлюще.

Качество реализации рассматриваемого конституционного положения в УПК РФ необходимо раскрывать в трех аспектах:

- а) на принципиальном уровне;
- б) по субъектам уголовно-процессуальной деятельности;
- в) по стадиям уголовного процесса.

Требование, закрепленное в ст. 48 Конституции РФ, является одним из основополагающих для уголовного судопроизводства и потому претендует на роль одного из его принципов. В ряду принципов, закрепленных в главе II УПК РФ, есть положение об обеспечении подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 16). Здесь речь идет о конституционном праве на квалифицированную юридическую помощь лишь одного субъекта — уголовно преследуемого лица, да и то в статусе подозреваемого или обвиняемого. Все иные участники уголовно-процессуальной деятельности, а также уголовно преследуемое лицо до приобретения процессуального положения подозреваемого или обвиняемого остаются вне действия ст. 16 УПК РФ, т. е. на принципиальном уровне их конституционное право закрепления в УПК РФ не имеет.

Было бы правильным в ст. 16 Кодекса вести речь о праве любого участника уголовного-процессуальной деятельности на получение квалифицированной юридической помощи, в частности о праве на защиту.

Субъекты уголовного процесса, имеющие данное конституционное право, могут быть разделены на следующие группы:

- а) уголовно преследуемое лицо;
- б) другие лица, отстаивающие свой правовой интерес: потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, частный обвинитель;
- в) участники, не имеющие по делу собственного процессуального интереса: свидетель, понятой, переводчик, поручитель и др.;
- г) субъекты, не имеющие процессуального статуса: лицо, дающее объяснения; заявитель; лицо, в помещении которого производится обыск, и т. д.

Уголовно преследуемое лицо предстает в уголовном процессе в качестве подозреваемого и обвиняемого (подсудимого, осужденного, оправданного). Приобретаются эти статусы лишь после возбуждения уголовного дела в случаях, предусмотренных статьями 46, 47 УПК РФ. Именно с этого момента, согласно ст. 49 Кодекса, у уголовно преследуемого лица появляется право на получение квалифицированной юридической помощи. Между тем фактически уголовное преследование нередко осуществляется в стадии возбуждения уголовного дела, в которой лицо соответствующего правового статуса не имеет и потому положения УПК РФ, регламентирующие его право на защиту, в данном случае не действуют. Кроме того, в стадии предварительного расследования в ряде случаев лицо оказывается под подозрением, не надеясь при этом соответствующим процессуальным статусом, например, при фактическом задержании, приводе, опознании и др., и, как следствие, такое лицо не может воспользоваться правом на защитника. Следовательно, в этой части конституционное право уголовно преследуемого лица на квалифицированную юридическую помощь в УПК РФ не обеспечено.

Аналогичная ситуация с *потерпевшим, гражданским истцом и гражданским ответчиком*. Все эти участники уголовного дела имеют в нем свой правовой интерес и поэтому наделены широкими правомочиями, в том числе правом на квалифицированную юридическую помощь (статьи 42, 43, 44, 54 УПК РФ), которую чаще всего оказывают адвокаты, а также юристы, не имеющие статуса адвоката. Право на юриста-представителя возникает у названных участников с того момента, когда лицо официально приобретает соответствующее процессуальное положение. Так, если частный обвинитель появляется с самого начала уголовного судопроизводства, то потерпевший, гражданский истец и ответчик — только со стадии предварительного расследования, т. е. в стадии возбуждения уголовного дела этих участников нет. Причем если потерпевший выступает обязательным участником дела с досудебного производства, то гражданский истец и ответчик впервые могут появиться в судебных стадиях первой инстанции в любой момент, вплоть до окончания судебного следствия (ч. 2 ст. 44 УПК РФ), в связи с чем на разных этапах процесса в дело входит адвокат-представитель и это создает определенные проблемы в связи с неучастием его на том или ином отрезке производства.

Кроме того, став таковыми лишь во второй стадии уголовного процесса (в предварительном расследовании), в стадии возбуждения уголовного дела, данные участники оказываются вне действия норм УПК РФ, регулирующих их право на юридическую помощь.

УПК РФ впервые закрепил *право свидетеля* на адвоката (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), однако ограничил его участие только в четырех следственных действиях: допросе (ч. 5 ст. 189), очной ставке (ч. 6 ст. 192 УПК РФ), обыске (ч. 11 ст. 182 УПК РФ), выемке (ч. 2 ст. 183 УПК РФ). В других следственных действиях с участием свидетеля (предъявление для опознания, освидетельствование и т. д.) о привлечении адвоката УПК РФ не упоминает. Кроме того, в отношении свидетеля могут осуществляться меры

процессуального принуждения: обязательство о явке, привод, наложение ареста на имущество, денежное взыскание (статьи 112, 113, 115, 117 УПК РФ), в которых также участие адвоката УПК РФ не предусматривает.

Все иные участники уголовного судопроизводства, а именно эксперт, специалист, переводчик, понятой, залогодатель, поручитель, педагог и др., в УПК РФ вообще не наделены правом на юридическую помощь, в частности правом на адвоката. В то же время в ряде случаев эти лица также нуждаются в получении квалифицированной юридической помощи, например при участии понятого при проведении длительного следственного действия.

Что касается стадий уголовного судопроизводства, то из сферы действия положения

ст. 48 Конституции РФ целиком выпала стадия возбуждения уголовного дела, в которой УПК РФ вообще не упоминает адвокатскую или иную юридическую помощь любого участвующего в ней субъекта.

Таким образом, налицо явное и грубое несоответствие конституционных требований и уголовно-процессуального кодекса, порождающее нарушение одного из основополагающих прав человека. Конституционный смысл рассматриваемого требования в том, что любое лицо в любой стадии уголовного процесса имеет право на квалифицированную юридическую помощь, прежде всего на привлечение адвоката. В УПК РФ это право еще не получило должной реализации.

Диалектика судебных действий по ходатайствам о признании доказательств недопустимыми

Диалектика — это прежде всего логическая форма и способ рефлексивного теоретического мышления. Следовательно, основные логические законы (тождества, непротиворечия, исключенного третьего и достаточного основания) неотъемлемо присущи диалектике как форме мышления. Единство логики, диалектики и теории познания выражает единство законов развития, тотальность процесса развития, захватывающего и природу, и человеческое мышление, и общество. Принцип соответствия мышления действительности обязывает рассматривать мышление не «само по себе», т. е. в отрыве от действительности, а в процессе превращения действительности в мысль. Принцип соответствия реализуется посредством «диалектического метода», который обеспечивается путем выполнения определенных требований к организации рассмотрения действительности¹.

Александр Петрович Ильин,
аспирант кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
Мордовского государственного университета,
следователь СО при ОВД по Рузаевскому
району Республики Мордовия,
лейтенант юстиции

Между тем совершенно справедливо утверждение, что «мыслительная деятельность, связанная с собиранием и исследованием доказательств, не может протекать иначе как в строгих логических формах»². На основании этого можно сделать вывод, что суд в процессе разрешения уголовного дела по существу, т. е. в процессе судебного разбирательства,

обязан руководствоваться основными логическими законами. «Использование законов логики при исследовании доказательств способствует получению качественных, непротиворечивых, обоснованных выводов (знаний)»³.

Судебное разбирательство — центральная, ключевая стадия уголовного процесса, так как именно в этой стадии решаются итоговые задачи всего судопроизводства: суд рассматривает уголовное дело по существу — дает ответ на основные вопросы любого уголовного дела о виновности или невиновности подсуд-

¹ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

² Эйсмэн А. А. Логика доказывания. М., 1971. С. 12.

³ Калинкина Л. Д. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции. Саранск, 2008. С. 28.

димого и применении или неприменении к нему мер уголовного наказания⁴.

Судебное разбирательство является ключевым элементом уголовно-процессуальной деятельности суда, под которой понимается «упорядоченная нормами уголовно-процессуального закона совокупность процессуальных действий и процессуальных решений суда как субъекта, осуществляющего производство по делу»⁵. «Для судебно-процессуальной деятельности характерны... взаимосвязь с действиями и решениями участвующих в деле лиц... В судебной деятельности наиболее полно и рельефно проявляются все принципы уголовного процесса: законность судопроизводства... состязательность и равноправие сторон. Судебная деятельность неоднородна, она разбивается на многочисленные акты суда, которые, в свою очередь, разделяются на процессуальные действия и решения»⁶.

Таким образом, судебные действия — это процессуальные действия суда как особого участника уголовного процесса, направленные на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Судебное действие как разновидность процессуального действия облекается в процессуальное решение, поскольку приобретает процессуальную форму. В процессе производства судебных действий отчетливо просматривается взаимосвязь всех участников уголовного судопроизводства на всем его протяжении во времени, т. е. здесь присутствуют элементы диалектики.

Поскольку судебные действия — это прежде всего процессуальный способ реализации

судом своих полномочий для достижения целей уголовного судопроизводства, то, исходя из смысла ч. 4 ст. 7 УПК РФ, они (судебные действия) должны быть законными, обоснованными и мотивированными. В свою очередь, «процессуальными средствами защиты прав и законных интересов сторон в ходе судебного разбирательства являются их заявления и ходатайства. И те и другие суть судебные обращения, с помощью которых участники судебного разбирательства отстаивают права, свободы и законные интересы»⁷.

Проанализируем, используя материалы судебной практики, как реализуются данные положения уголовно-процессуального закона на примере рассмотрения судом ходатайств о признании доказательств недопустимыми на стадии судебного разбирательства.

Так, суд в процессе рассмотрения уголовного дела совершенно правильно удовлетворил заявленное защитником ходатайство о признании протокола допроса свидетеля А. недопустимым доказательством, так как в ходе обзора в судебном заседании указанного протокола было установлено, что свидетель А. перед допросом не был предупрежден об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ. Допрошенные в судебном заседании свидетель А., а также следователь, производивший его допрос, подтвердили, что перед допросом А. не был предупрежден по статьям 307, 308 УК РФ и за это в протоколе не расписывался⁸. Суд в данном случае руководствовался положениями п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в соответствии с которыми доказательства должны признаваться полученными с нару-

⁴ См.: Гочияев М. К. Судебное следствие как объективная основа законного и обоснованного приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 11.

⁵ Бурмагин С. В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 18.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Калинкина Л. Д. Повторное производство в российском уголовном процессе. Саранск, 2010. С. 133.

⁸ Уголовное дело № 1-4/2007 // Архив Ельниковского районного суда Республики Мордовия. 2007.

шением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами⁹.

В силу требований ст. 75 УПК РФ суд, признав вышеуказанное доказательство недопустимым, удовлетворил ходатайство защитника и исключил протокол свидетеля А. из перечня доказательств.

Однако суды не всегда руководствуются нормами уголовно-процессуального закона при рассмотрении ходатайств о признании доказательств недопустимыми. Причем происходит это при рассмотрении одного и того же (!) уголовного дела. Вот это настоящая «диалектика» уголовного процесса. Рассмотрим данную ситуацию подробнее на примере вышеуказанного уголовного дела.

Следователем прокуратуры района 3 августа 2006 г. было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина К. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ¹⁰. В соответствии с пп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ (по состоянию на то время) предварительное следствие по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 131 УК РФ, производится следователями органов прокуратуры. Но постановление о получении образцов для сравнительного исследования от 4 августа 2006 г. было вынесено следователем следственной группы (СГ) при отделе внутренних дел

(ОВД) района, т. е., по мнению защитника, ненадлежащим лицом, так как в материалах уголовного дела отсутствует отдельное поручение следователя прокуратуры на выполнение конкретных следственных действий следователями СГ при ОВД района, а также нет постановления о создании следственно-оперативной группы, в состав которой был бы включен следователь СГ при ОВД района, производивший получение образцов для сравнительного исследования. Поручение о производстве отдельных следственных действий от 3 августа 2006 г. было представлено в судебное заседание лишь 9 ноября 2006 г., и, как было установлено в ходе судебного следствия, данного документа не было в материалах уголовного дела.

Далее начинается самое интересное. Допрошенные в качестве свидетелей в судебном заседании следователь ОВД и следователь прокуратуры показали, что поручение о производстве отдельных следственных действий (внимание!) по невнимательности и неопытности они не подшили в материалы уголовного дела. Но когда следователем СГ при ОВД района выносилось постановление о получении образцов для сравнительного исследования от 4 августа 2006 г., у него отдельное поручение следователя прокуратуры района уже было на руках¹¹. В судебном заседании были просмотрены журнал исходящей документации прокуратуры района, где, что 3 августа 2006 г. было зарегистрировано отдельное поручение на производство следственных действий, и журнал входящей корреспонденции ОВД района, где 3 августа 2006 г. было зарегистрировано то же отдельное поручение. Обстоятельство, что под одним номером вместе с отдельным поручением зарегистрировано и несколько томов уголовного дела (ОВД района), и несколько отказных материалов (прокуратура района) имело место и нашло свое подтверждение в судебном заседании, но

⁹ См.: О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 года // Рос. газета. 1995. 28 дек.

¹⁰ Уголовное дело № 1-4/2007 // Архив Ельниковского районного суда Республики Мордовия. 2007.

¹¹ Уголовное дело № 1-4/2007 // Архив Ельниковского районного суда Республики Мордовия. 2007.

данное обстоятельство указывает (опять внимание!) на неправильное ведение делопроизводства в указанных правоохранительных органах, а не на нарушение норм УПК РФ при вынесении постановления на получение образцов для сравнительного исследования. Суд при таких обстоятельствах пришел к выводу, что данное постановление вынесено следователем СГ при ОВД района без нарушений норм уголовно-процессуального закона.

Допрошенная в судебном заседании в качестве свидетеля младший инспектор делопроизводства и режима ОВД района показала, что это было ее решением зарегистрировать под одним номером пять томов уголовного дела и отдельное поручение по другому уголовному делу и что она так поступает всегда, когда документы приходят из одной и той же организации.

При этом суд исходил из того, что не могут быть допущены в качестве доказательств протоколы следственных действий и постановления в том случае, если они содержат нарушения правил их составления и если эти нарушения порождают неустранимые сомнения в достоверности зафиксированных сведений, что в отношении вышеперечисленных протоколов и постановлений не установлено. В итоге суд не согласился с защитником и не усмотрел нарушения норм уголовно-процессуального закона на предварительном следствии.

Таким образом, по мнению автора, нарушение норм уголовно-процессуального закона на предварительном следствии судом квалифицировано как нарушение режима делопроизводства в учреждениях. А фактически в рассмотренной ситуации усматривается отступление от положений норм УПК РФ, выразившееся в собирании доказательств неполномоченным субъектом: вместо следователя прокуратуры района это сделал следователь СГ при ОВД района. О том, что поручение о производстве отдельного следственного действия — получение образцов для сравнительного исследования, — по всей видимости, было вынесено задним числом, свидетельствует тот

факт, что данное поручение отсутствовало в материалах уголовного дела и процессуально возникло только в судебном разбирательстве. А ведь без этого процессуального акта результаты получения образцов для сравнительного исследования фактически являются «мертво рожденным процессуальным дитем». Несоблюдение предписаний уголовно-процессуального закона в рассмотренной ситуации неизбежно поставило бы под сомнение допустимость результатов судебно-медицинской экспертизы, проведенной в дальнейшем по полученным образцам и, учитывая специфику состава преступления, обоснованность и доказанность всего обвинения в целом. В данном случае все доказательства, собранные на основании полученных образцов для сравнительного исследования, представляют собой не что иное, как «плоды отравленного дерева». Может быть, именно поэтому суд пошел навстречу стороне обвинения и согласился с ее версией произошедшего.

Из рассмотренной выше ситуации закономерно вытекает, что судебные действия по одному и тому же уголовному делу, произведенные в ходе судебного разбирательства и обреченные в процессуальные решения, в одном случае согласуются с принципом законности, установленным уголовно-процессуальным законом России, а в другом — прямо противоречат ему. Данное обстоятельство очевидно свидетельствует о том, что суд применил уголовно-процессуальный закон избирательно, тем самым породив правовой произвол при рассмотрении и разрешении по существу уголовного дела. Это стало возможным не в последнюю очередь по причине того, что суд в процессе своей мыслительной деятельности по разрешению ходатайства защитника о признании недопустимыми результатов получения образцов для сравнительного исследования в силу их получения неполномоченным субъектом нарушил логический закон достаточного основания, который гласит, что всякая мысль признается истинной, если она имеет достаточное основание¹². Достаточное основание, чтобы признать допустимыми

результаты получения образцов для сравнительного исследования, на взгляд автора, по материалам уголовного дела отсутствовало.

Таким образом, именно все судебные действия, а не только их часть, должны подчиняться требованию законности, обоснованности и мотивированности. Ибо «логическая пра-

вильность построения выводов... из материалов дела является условием соблюдения принципа законности»¹³.

¹² См.: Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 2002. С. 16.

¹³ Калинкина Л. Д. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции. С. 28.

К вопросу о правовых презумпциях

Реализация в правоприменительной действительности норм уголовно-процессуального закона позволяет при наличии определенных обстоятельств рассматривать уголовные дела в отсутствие подсудимого (части 4 и 5 ст. 247 УПК РФ). В свою очередь, исследование правовой природы данного института уголовного судопроизводства дает возможность говорить о существовании в его рамках некоторых правовых презумпций.

Вопрос о правовых презумпциях в уголовном судопроизводстве является одним из актуальных. В. И. Каминская понимала под ними такие положения, выраженные прямо или косвенно в правовой норме, которыми какой-либо порядок в области отношений, возникающих из человеческого поведения, признается обычным, постоянным, нормальным и не требующим в силу этого специальных доказательств¹. По мнению К. Б. Калиновского и А. В. Смирнова, всякая презумпция — это правовая норма, в силу которой при наличии одного юридического

Александр Алексеевич Казаков,
кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры уголовного процесса Уральской
государственной юридической академии
aleksandrkazakov85@gmail.com

Алексей Иванович Казаков,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса Уральской
государственной юридической академии

факта признается существующим другой юридический факт — до тех пор, пока не доказано обратное². Анализ первой позиции позволяет отметить то обстоятельство, что правовая презумпция не всегда прямо сформулирована в тексте закона, однако конструкция определенной нормы может с очевидностью свидетельствовать о ее существовании. Второе определение примечательно тем, что в нем сделан акцент на значении презумпции как средства рас-

пределения бремени доказывания. Признавая тот или иной вариант более вероятностным или целесообразным, законодатель устанавливает презумпции в целях достижения назначения уголовного судопроизводства³.

Такие теоретические изыскания позволяют сформулировать по крайней мере две правовые презумпции, которые берутся за основу судом в случае наличия оснований и условий поведения заочного производства и соответственно принятия решения о

¹ См.: Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М. ; Л., 1948. С. 3.

² См.: Калиновский К. Б., Смирнов А. В. Презумпции в уголовном процессе // Рос. правосудие. 2008. № 4. С. 68.

³ См.: Морквин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 29.

его осуществлении. Факт отсутствия лица в суде с неизбежностью ставит вопрос о том, является ли он живым. По общему правилу в случае смерти обвиняемого (подозреваемого) производство по делу подлежит прекращению (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Очевидно, что суд презюмирует тот факт, что подсудимый жив, если, естественно, не доказано обратное.

Примечательно, что отечественной практике известен случай привлечения к уголовной ответственности умершего лица. Так, 29 сентября 1941 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни за совершение государственной измены был заочно приговорен генерал В. Я. Качалов. Позже был установлен факт его смерти на поле боя. 23 декабря 1953 г. приговор в отношении Качалова был отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекращено за отсутствием в его деяниях состава преступления⁴.

В данном аспекте значим и приговор Нюрнбергского трибунала, оглашенный 1 октября 1946 г., согласно которому, в частности, к смертной казни был приговорен ряд лидеров нацистской Германии, причем М. Борман — заочно⁵. При этом защита Бормана пыталась доказать факт его смерти. Так, в суде допрашивался свидетель Э. Кемпка, утверждавший, что Борман погиб в результате взрыва противотанкового снаряда. Тем не менее его показания были довольно противоречивы, а защитник Бергольд прибегал к наводящим вопросам. В итоге суд посчитал, что Борман жив и приговорил его к высшей мере наказания⁶. Таким образом, исследуемая презумпция не была опровергнута.

В схожей манере действовала сторона защиты по так называемому делу Ульмана, когда трем из четырех осужденных военных раз-

ведчиков (капитану Эдуарду Ульману, лейтенанту Александру Калаганскому и прапорщику Владимиру Воевдину) обвинительный приговор был провозглашен заочно. При этом защитники, намекая на насильственный характер исчезновения своих подзащитных, настаивали на выяснении его обстоятельств и соответственно приостановлении судебного разбирательства. Но суд зачитал приговор в отсутствие указанных подсудимых⁷.

Эти примеры в очередной раз подтверждают существование презумпции отсутствия факта смерти подсудимого. Однако, по всей видимости, суд руководствуется не только ею. Думается, что он также исходит из презумпции вменяемости подсудимого в момент совершения преступления, а также презумпции отсутствия у подсудимого психического расстройства, делающего невозможным назначение наказания или его исполнение. В противном случае должны применяться нормы гл. 51 УПК РФ. Отсутствие непосредственного контакта с подсудимым создает препятствия для формирования у суда убеждения по этому вопросу. В частности, может потребоваться проведение судебно-психиатрической экспертизы. И если материалы дела, как правило, могут свидетельствовать о невменяемости подсудимого при выполнении объективной стороны исследуемого деяния, то на их основании зачастую невозможно определить, наступило ли у него психическое расстройство или нет. Весьма вероятно, такие презумпции наличествуют в рамках каждого дела, если они, естественно, не опровергнуты в какой-либо стадии процесса. Так, А. Д. Прошляков отмечал факт существования презумпции вменяемости, подчеркивая, что возможность осуществления правосудия в заочном порядке как раз демонстрирует присутствие такой презумпции⁸. При этом заочное правосудие только

⁴ См.: Смыслов О. С. «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. М., 2004. С. 23.

⁵ См.: Наумов А. В. Нюрнбергский процесс: история и современность // Рос. юстиция. 2006. № 10. С. 55.

⁶ См.: Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 139–141.

⁷ См.: Козлова Н., Птичкин С. По делу Ульмана огласили приговор // Рос. газета. 2007. 15 июня.

⁸ См.: Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997. С. 50–51.

способствует обострению проблем, вытекающих из ее признания.

Наличие достаточных оснований полагать, что по отношению к подсудимому следует применить принудительные меры медицинского характера, должно вести к приостановлению производства по делу вплоть до обеспечения личного участия подсудимого в судебном заседании. Равным образом такое процессуальное решение необходимо вынести в случае присутствия данных, указывающих на высокую степень вероятности смерти подсудимого. Компетентным органам стоит поручить проведение мероприятий, направленных на установление причин исчезновения данного лица. Схожей позиции придерживаются П. Кукушкин и В. Курченко, полагающие, что исчезновение подсудимого при обстоятельствах, угрожающих его жизни и здоровью, является основанием, препятствующим заочному рассмотрению уголовного дела⁹. При этом, если будет выяснено, что подсудимый скрывается от правосудия, вполне может быть проведено заочное производство. При наличии официальных данных, свидетельствующих о смерти

лица, производство по делу подлежит прекращению, если иного не требуют интересы реабилитации умершего лица.

Вероятно, что в рамках заочного рассмотрения дела суд исходит еще из одной презумпции — презумпции отсутствия у подсудимого оснований для заявления отводов участникам судебного разбирательства. Согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий разъясняет сторонам их право заявить отвод составу суда или кому-либо из судей. В ходе судебного производства отвод также может быть заявлен прокурору, секретарю судебного заседания, переводчику, эксперту, специалисту, защитнику, представителю потерпевшего, гражданского истца или ответчика (гл. 9 УПК РФ). В рамках заочного правосудия можно лишь только предполагать, что у подсудимого отсутствуют основания для заявления отводов лицам, участвующим в производстве по делу.

Таким образом, анализ особенностей заочного судебного разбирательства уголовных дел в очередной раз демонстрирует то обстоятельство, что перечень презумпций в уголовном судопроизводстве не является закрытым. В связи с этим видится, что в настоящее время вопрос об их роли и значении является значимым как с теоретической, так и с практической точек зрения.

⁹ См.: Кукушкин П., Курченко В. Заочное судебное разбирательство // Законность. 2007. № 7. С. 17.

В. Н. Мартышкин, А. С. Гавин

Компетентность судьи — гарантия эффективной защиты личности от необоснованного заключения под стражу

Судьи — несчастнейшие из людей, они обязаны всех дозревать, до всего доискиваться, всюду предполагать дурные намерения и раскрывать их, чтобы добраться до правды, скрывающейся под самыми противоречивыми поступками. Судьи ходят всегда в черном, словно носят траур по своим погибшим иллюзиям, и преступление ложится на них такой же тяжестью, как и на самих преступников.

О. де Бальзак. Философские этюды

Выполняя поручения президента Российской Федерации Д. А. Медведева и решения VII Всероссийского съезда судей о необходимости повышения уровня профессиональной подготовки судей с целью осуществления квалифицированного правосудия, Совет судей Республики Мордовия (РМ), Верховный суд РМ, Госкомитет РМ по делам юстиции, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева 16 апреля 2010 г. провели республиканскую конференцию на тему: «Правовая компетентность судьи: проблема создания системы гарантий»¹.

Следует признать, что профессиональная компетентность лиц, претендующих на должность судьи, оставляет желать лучшего. Об этом свидетельствуют результаты последних проведенных экзаменов. Так, в 2008 г. в 83 экзаменационных комиссиях при квалификационных коллегиях судей субъектов РФ из 5778 претендентов на должность судьи не сдали экзамен 2419 человек (41,9 %). В первом полугодии 2009 г. его не сдали 45 % претендентов². Для сравнения: в экзаменационную комиссию судей Республики Мордовия за 2009 г. подано 14 заявлений. Экзамен не сдали 50 % претендентов. Получившие «неуд» работают следователями, помощниками прокуроров, адвокатами. Отсутствие необходимых знаний и профессиональных навыков у таких претендентов на дол-

Василий Николаевич Мартышкин,
заместитель председателя Верховного суда
Республики Мордовия,
почетный работник судебной системы
Российской Федерации,
заслуженный юрист Республики Мордовия
vsrm@moris.ru

Алексей Степанович Гавин,
председатель Темниковского районного суда
Республики Мордовия,
заслуженный юрист Республики Мордовия

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.11.2009 г. // Рос. газета. 2009. 13 нояб.

² См.: *Еришов В. В.* Деятельность экзаменационных комиссий: вопросы теории и практики // Рос. правосудие. № 12. С. 3–4.

жность судьи проецируется на качество выносимых судебных решений.

Широко обсуждаемая ныне юридической общественностью проблема, ставшая притчей во языцех, — *компетентность* судей при разрешении ходатайств следственных органов о заключении подозреваемых под стражу. Шквал «арестантских» ходатайств объясним тем, что Россия занимает второе место (после Колумбии) по числу убийств на 100 тыс. человек. К началу 2009 г. более 90 тыс. убийств оставались нераскрытыми, а в целом не установлены преступники, совершившие более 15 млн преступлений³.

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется только по судебному решению (ст. 108 УПК РФ), причем при невозможности иной, более мягкой меры пресечения. Из этой нормы, безусловно, следует, что при рассмотрении ходатайства органов следствия о применении ареста суду надлежит в каждом случае обсуждать вопрос о возможности избрания мер пресечения, альтернативных лишению свободы.

Кассационная практика свидетельствует о том, что судьи не всегда соблюдают это требование процессуального законодательства и Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 22 от 29.10.2009 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста».

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия в 2009 г. рассмотрено:

— 255 ходатайств об избрании меры пресечения заключение под стражу (за аналогичный период прошлого года (АППГ) 307 ходатайств), из них отменено 19 постановлений судей (АППГ — 28);

— 260 ходатайств о продлении срока содержания под стражей (АППГ — 327), из

них отменено 7 постановлений (АППГ — 8), изменено 2 (АППГ — 4).

Мониторинг численности обвиняемых в совершении преступлений, проводимый Федеральной службой исполнения наказаний, свидетельствует о сокращении численности лиц, в отношении которых судами избирается мера пресечения в виде заключения под стражу⁴.

Например, за 2008 г. в следственные изоляторы (СИЗО) РФ поступило 378,8 тыс. лиц, что на 6,1 тыс. человек, или на 2 %, меньше, чем за 2007 г. В том числе количество арестованных несовершеннолетних сократилось на 3,3 тыс. человек, или на 19 %. Сокращение количества арестованных отмечалось и в 2009 г. Так, за 7 месяцев 2009 г. мера пресечения в виде заключения под стражу избрана в отношении 210,5 тыс. лиц, что на 14,6 тыс. человек, или на 7 %, меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Количество арестованных, в том числе за преступления *небольшой и средней* тяжести, сократилось на 8,2 тыс., или на 6 %. Количество поступивших в СИЗО женщин сократилось на 766 человек, или на 3 %, несовершеннолетних — на 2964 человека, или на 33 %.

Это свидетельствует о расширении практики избрания мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, и прежде всего обвиняемых в совершении преступлений *небольшой и средней* тяжести.

Вместе с тем вызывает беспокойство обстоятельство, что в 2009 г. из рассмотренных районными судами Республики Мордовия 1138 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (959 из них удовлетворено) 377 ходатайств внесено следователями за преступления *небольшой и средней* тяжести (306 из них удовлетворено), в том числе арестовано 19 женщин и 18 несовершеннолетних⁵.

³ См.: Вандышев В. В. Нормы Конституции России и деятельность Конституционного Суда РФ по их защите и реализации // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. СПб., 2010. С. 64.

⁴ См.: Информационное письмо директора ФСИН РФ от 25.08.2009 № 10/1-3264 // Архив Верховного суда Республики Мордовия.

⁵ См.: Наряд 1-9/2010 г. Справка о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения за 2009 г. // Там же.

О том, что органы следствия нередко формально и с «запасом» квалификации возбуждают ходатайства об аресте, свидетельствуют сведения из УФСИН РФ по РМ⁶.

В 2009 г. из следственных изоляторов Республики Мордовия освобождены:

— 31 обвиняемый в связи с тем, что органы следствия изменили меру пресечения на более мягкую, чем заключение под стражу. Еще 12 лиц освобождено потому, что следователи не усмотрели достаточных оснований для повторного ходатайства о продлении этой меры пресечения;

— 128 «сидельцев» освобождены, так как по приговору суда им назначено наказание, не связанное с лишением свободы;

— 72 человека освобождены по отбытии в СИЗО срока наказания, не успев убыть в ИК.

Проблемные вопросы, связанные с практикой избрания мер пресечения в виде заключения под стражу, были предметом обсуждения Научно-консультативного совета при Верховном суде Республики Мордовия и учебно-методического семинара в марте и апреле 2010 г.

В суды республики направлено информационное письмо и *рекомендации* НКС при Верховном суде Республики Мордовия⁷. В них судам рекомендовано при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения — заключения под стражу и продлении его сроков, при проверке законности судебных решений об удовлетворении ходатайств об избрании этого вида меры пресечения неуклонно руководствоваться международно-правовыми актами (с указанием перечня актов).

На первый взгляд ситуация парадоксальная: НКС рекомендует судам то, что повелевает исполнять Конституция РФ (ст. 15), ч. 3 ст. 1 УПК РФ, Пленум Верховного Суда

РФ № 5 от 10.10.2003 (кстати, он так и называется «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»).

По смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, статей 369, 379, ч. 5 ст. 415 УПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ может явиться основанием к отмене или изменению судебного акта. *Неправильное* применение — это когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению (п. 9 разъяснения вышеназванного Пленума Верховного Суда РФ). Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения положений этих договорных актов (ст. 1 ФЗ от 30.03.1999 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»).

Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Тем не менее, как свидетельствует судебная практика, суды проявляют *инертность* в применении норм международного права как действующего правила поведения, принимаемого и признаваемого международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. В решениях районных судов редки ссылки на данные нормы при осуществлении судопроизводства. Далеко не всегда проверяет и надзирающий прокурор соблюдение органами следствия положений статей 3, 5, 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Особенно в части того, что арест возможен лишь при наличии *обоснованного* подозрения. Но и оно не может оставаться единственным основани-

⁶ См.: Информационное письмо начальника ФСИН РФ по РМ от 16.02.2010 № 14/6-202 // Архив Верховного суда Республики Мордовия.

⁷ См.: Информационное письмо зам. председателя Верховного суда РМ от 17.03.2010 № 8-3 // Там же.

ем для продолжительного содержания и в *неразумные* сроки.

Уместно вспомнить наказ первого в истории России министра юстиции Г. Р. Державина «Властителям и судиям»: «Ваш долг: законы сохранять, на лица сильных не взирать»⁸.

Почему же, несмотря на то, что государство, оснащая суды современными техническими средствами, повышая денежное содержание носителей судебной власти, не может добиться основной цели судебной реформы — повышения *качественного* уровня принимаемых решений.

С нашей точки зрения, здесь несколько аспектов.

Намеренно опустив извечную тему совершенствования материального и процессуального законодательства, следует отметить такой важный аспект, как резкое *снижение* фундаментальных научных исследований, методической и методологической работы в юридических вузах. Качество лекций, а следовательно и полученных знаний будущими специалистами, находится в прямой зависимости от уровня научной и практической подготовки профессоров. Как метко отмечал К. Д. Ушинский, в дореволюционной России развитию науки мешали разные чиновничьи соблазны, а «производство в генералы погубило у нас не одного хорошего профессора, которые, добившись этого звания, опочивают на лаврах»⁹.

Но не менее важен и другой аспект: не произошло кардинального *реформирования правосознания* следователей, гособвинителей, судей, адвокатов, а также их отношения к правоприменительной практике, основанной на общепризнанных принципах и нормах международного права.

Например, следователи, боясь прокурорского возврата дел на доследование, нередко,

⁸ Державин Г. Р. Властителям и судиям // Соч. Л., 1987.

⁹ Цит. по: Скрипилев Е. А. О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII — начало XX века) // Государство и право. 2000. № 9. С. 88.

подстраховываясь, «завышают» квалификацию содеянного. Возбуждая ходатайство об избрании меры пресечения перед судом, а затем неоднократно о продлении срока содержания под стражей, используют одни и те же «стандартные» формулировки и в общей форме. За необоснованное возбуждение такого ходатайства следователь, как правило, ответственности не несет, разве что перед судом своей совести. И в этом одна из причин того, что органы следствия игнорируют доводы обвинения, защитника в части несоблюдения положений Конвенции, правовых позиций Европейского суда по правам человека.

Согласно пп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод арест возможен лишь при наличии *обоснованного подозрения* в совершении правонарушения.

В связи с этим органы следствия обязаны представлять суду *убедительные данные* в подтверждение обоснованного подозрения в преступлении, за которое может быть применена такая мера пресечения. Из этих позиций должны исходить российские суды при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении ее сроков.

К сожалению, правовая компетентность отдельных правоприменителей вызывает тревогу. Например, не из этих правовых позиций исходили следователь, прокурор и судья района, по решению которых около 2 лет 4 месяцев (с 17.12.2006 по 08.04.2009) пенсионер Е. находился под стражей, где у него началась гангрена ноги, которую там же ампутировали. Первоначально обвинительный приговор от 08.04.2008 (10 лет лишения свободы) по жалобе защиты судом кассационной инстанции был отменен; 14.07.2009 суд оправдал Е. по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) в связи с непричастностью к совершению данного преступления¹⁰.

¹⁰ Уголовное дело №1-2/2009 г. // Архив Темниковского райсуда Республики Мордовия.

В качестве компенсации за моральный вред — за незаконное содержание под стражей и ампутированную ногу — суд постановил выплатить инвалиду за счет казны Российской Федерации 650 тыс. рублей (истец просил 9 млн рублей)¹¹. Таких тяжких последствий можно было бы избежать, если бы правоприменители в соответствии с положениями ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и требованиями, содержащимися в постановлении Европейского суда по правам человека, своевременно и надлежаще проверили доводы защиты о состоянии здоровья, условиях содержания обвиняемого, которые должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству. К сожалению, история не имеет снисходительного наклона.

В 2008 г. в качестве компенсации для жертв судебных ошибок из российского бюджета выплачено 94 млн рублей. Кроме того, Европейский суд по правам человека по искам россиян взыскал 4,5 млн евро¹².

Одной из гарантий от произвола и юридических ошибок является повышение *персональной ответственности*, а за подобные ошибки необходимо отрешать от должности. За незаконное заключение под стражу и вынесение заведомо неправосудного акта предусмотрена уголовная ответственность (статьи 301, 305 УК РФ). Например, на длительный срок лишения свободы осуждены семеро сотрудников УГРО МВД РФ. В ходе незаконного задержания с применением насилия и издевательств они склоняли подозреваемых к самооговору. Во время пыток в служебном кабинете «оборотни в погонах» заковали студента одного из вузов, Олега Игонина, в наручники. Надели ему на голову противогаз и, требуя признания в совершении разбоя, который он не совершал, перекрыли кислород, сту-

дент задохнулся. Вместе с приговором Верховный суд РФ в адрес министра внутренних дел России вынес частное определение¹³.

Гарантией эффективной защиты личности от незаконного ареста и осуждения может стать *изменение порядка* возмещения морального вреда — не за счет казны Российской Федерации (как сейчас), а за счет заработка и имущества должностных лиц, допустивших неправомерное решение. Подписанный президентом России 30.04.2010 Федеральный закон № 69 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» — важный шаг в этом направлении.

Нередко в ходатайствах об избрании меры пресечения, направляемых даже в Верховный суд республики, органы следствия не приводят новых, конкретных и реальных данных, свидетельствующих об исключительности и крайней весомости обстоятельств для избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражей, особенно на столь длительный срок — свыше 1 года; о невозможности окончить предварительное следствие в разумные сроки и представить дело в суд либо изменить меру пресечения, что не соответствует требованиям статей 7, 97, 108, 109 УПК РФ об обоснованности и мотивированности решений.

Длительное содержание под стражей *заподозренных* в особо тяжких преступлениях само по себе не может свидетельствовать о виновности лиц и гарантировать вынесение обвинительного приговора, так как задача суда — осуществление правосудия.

Например, Верховный суд РФ 19.10.2009 на основании вердикта коллегии присяжных заседателей оправдал и освободил из-под стражи 7 из 12 обвиняемых по ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 222, п. «а» ч. 3 ст. 111, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ, которые в «неволе» пробыли по 3 года 6 месяцев¹⁴.

¹¹ См.: Решение от 13.01.2010 по делу № 2-56/2010 г. // Архив Ленинского райсуда г. Саранска.

¹² См.: *Водопьянов А.* Витамины для правосудия // *Невское время.* 2008. 27 нояб.

¹³ Дело № 2-4/1998 г. // Архив Верховного суда РФ.

¹⁴ См.: Кассационное определение ВС РФ от 11.05.2010 № 15-010-7СП // Архив Верховного суда РФ.

В соответствии с требованиями закона правовыми позициями Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека в случае *продления* срока содержания лица под стражей следователь в ходатайстве, а судья в постановлении должны указать конкретные обстоятельства, обосновывающие продление срока, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

Продлевая действие этой меры, судья не просто соглашается с постановлением о заключении лица под стражу, а применяет соответствующее мотивированное решение, исходя из анализа совокупности обстоятельств. При разрешении ходатайств о продлении срока под стражей надлежит выяснять обоснованность утверждений органов следствия о невозможности своевременного окончания расследования по объективным причинам. При неоднократном возбуждении таких ходатайств и по мотивам необходимости выполнения одних и тех же действий требуется установление причины их невыполнения. Если судом при этом выявлено, что необходимые следственные действия не были произведены из-за неэффективной организации предварительного расследования (отсутствия должного усердия и надлежащей тщательности), то следует реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений.

Европейский суд по правам человека часто находил нарушения по п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российских делах («Царьков против России» № 16854/03, 16.07.2009; «Кокошкина против России» № 2052/08, 28.05.2009; «Сорокин против России» № 77339/06, 30.07.2009), по которым национальные суды продлевали сроки содержания заявителя под стражей, опираясь исключительно на *тяжесть* обвинения и используя *стандартные* формулировки и формулировки в общей форме, не уделяя внимания конкретным фактам, личной ситуации заявителя, не рассматривая альтернативные меры пресечения.

Факты, выявленные национальными судами касательно возможности уклонения обви-

няемых от правосудия, повторного вмешательства в производство и риска воздействия на свидетелей, не подкреплялись никакими доказательствами. Ссылаясь в *общей* форме на риск вмешательства в производство, суды не указывали на аспекты характера и поведения заявителя, подтверждающие выводы о том, что он скорее всего прибегнет к запугиванию. Безосновательно не учитывалось, что следствие завершено, свидетели допрошены, поэтому не было убедительных причин опасаться этого и, безусловно, не настолько, чтобы превалировать над правом обвиняемого на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение его до суда.

Подобный риск, сформулированный в ходатайствах следователей и в постановлениях судей в *общих* словах, не мог служить оправданием содержания обвиняемых под стражей в течение нескольких лет («Сорокин против России»).

Суды нередко оценивали возможность обвиняемых скрыться и повторного совершения преступления, основываясь на отсутствии у них постоянного места жительства и работы. Однако одно лишь это обстоятельство, согласно постановлению Европейского суда, не является основанием для опасения, что обвиняемый скроется или совершит повторное преступление («Пшевечерский против России», № 28957/02 27.05.2007; «Сергей Медведев против России», № 3194/08, 30.07.2009).

Аналогичные требования к постановлениям суда первой инстанции предъявляет и Верховный Суд России¹⁵.

Например, 7 мая 2008 г. Верховный Суд РФ отменил постановление о продлении срока содержания заявительницы под стражей и освободил ее под залог в размере 100 тыс. рублей. К. содержалась под стражей с 11 октября 2006 по 7 мая 2008 г. Верховный Суд РФ посчитал, что областной суд не привел

¹⁵ См.: Червоткин А. С. Обоснованное подозрение как основание заключения под стражу // Рос. правосудие. 2009. № 12. С. 84.

убедительных оснований для продления срока содержания ее до 21 месяца, а сложность дела не может оправдать продление срока содержания под стражей более 12 месяцев. Вывод областного суда о том, что К. может скрыться, не подтверждался никакими существенными фактами или доказательствами. Во внимание не были приняты положительные характеристики с места жительства и работы, а также семейная ситуация (смерть брата). Поскольку следствие завершилось и все свидетели были допрошены, вероятность воспрепятствования производству также была ничтожной. Результаты теста на наличие наркотических средств в организме К. были несущественными для оценки опасности того, что заявительница совершит новые преступления, поскольку тест был проведен после ее задержания, т. е. более года назад; никогда К. официально не признавалась наркоманкой. Кроме того, Верховный Суд РФ в своем постановлении сослался на слабое здоровье К. и «ее обоснованные жалобы на бесчеловечные условия содержания под стражей, унижающие ее честь и достоинство, приведшие к ухудшению ее здоровья»; не рассматривалась возможность более мягкой меры пресечения, несмотря на то, что она ходатайствовала об освобождении под залог в размере 100 тыс. рублей.

Кроме того, Европейский суд по этому делу отметил, что «отказ заявительницы назвать имена своих сообщников не может служить основанием для содержания ее под стражей, поскольку она не была обязана сотрудничать со следствием, и ее нельзя винить в том, что она хотела в полном объеме осуществить свое право не давать показания». Европейский суд также признал, что при конкретных обстоятельствах настоящего дела предполагаемое лидерское положение К. в организованной преступной группе может рассматриваться как достаточное основание для содержания ее под стражей в течение того времени, пока идет расследование. Расследование было проведено с должной быстротой и завершилось в течение года, что не является чрезмерно дли-

тельным сроком с учетом относительной сложности дела, числа обвиняемых и необходимости собирать значительный объем доказательств. Однако после того как доказательства были собраны, свидетели допрошены и расследование завершено, ссылки на опасность воспрепятствования разбирательству со стороны заявительницы стали менее убедительными. После завершения расследования в сентябре 2007 г. такая опасность, по мнению Европейского суда, более не могла *перевесить права* заявительницы на судебное разбирательство в разумный срок или освобождение до суда («Кокошкина против России»).

Кассационная инстанция Верховного Суда РФ по этим основаниям отменила постановления судей Верховного Суда РМ о продлении срока содержания под стражей в отношении Е., М., Ф. В отношении Ч., обвиняемого в совершении преступления по ч. 3 ст. 210, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 163, п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ (организация преступного сообщества, вымогательство, принуждение к совершению сделки) и находящегося под стражей более двух лет, Верховный Суд РФ заменил арест на залог в размере 5 млн рублей. Установлено, что следователь за 8 месяцев ознакомил обвиняемого Ч. лишь с 15 томами уголовного дела (не более 50 листов в день), состоящего из 110 томов. Следователь в ходатайстве, а судья в постановлении *не объяснили* в своих решениях, почему меры, альтернативные лишению свободы, не обеспечили бы надлежащего хода ознакомления обвиняемого с делом и последующего судебного разбирательства, так как фактов затягивания с ознакомлением дела со стороны обвиняемого судом не выявлено¹⁶. Поэтому дальнейшее содержание Ч. под стражей не могло быть признано вышестоящим судом «разумным» сроком.

Европейский суд по правам человека в своих многочисленных решениях указывал на то,

¹⁶ См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.02.2010 № 15-0101, 15-010-2; от 04.03.2010 № 15-010-3, 15-010-4 // Архив Верховного суда РМ.

что, не уделив внимания конкретным фактам и не рассмотрев альтернативные меры пресечения, как в приведенном случае, суды продлевали срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые хотя и являлись «значимыми», не могли рассматриваться как «достаточные» для оправдания его продолжительности.

Существующие коллизии в правоприменении норм, регламентирующих процедуру избрания мер пресечения в виде заключения под стражу и продления ее сроков, не способствуют формированию единой и стабильной судебной практики в регионах Российской Федерации.

Доходит до курьезов. Например, судья в постановлении о продлении срока содержания под стражей привел следующие аргументы: «В связи с тем что председательствующий и гособвинитель по данному уголовному делу в июле 2007 года будут находиться в очередном отпуске, меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении С., Д., Г., У. следует продлить на три месяца, т. е. до 18.09.2007»¹⁷.

Уместно в связи с этим вспомнить слова юриста В. Ульянова-Ленина (в статье «О двойном подчинении и законности»): «Есть ли высокомерие в том взгляде, что *законность* (курсив наш. — В. М., А. Г.) не может быть калужская и казанская, а должна быть единая — всероссийская»¹⁸.

На чаше весов правосудия — соблюдение конституционных прав и свобод личности, поэтому повышение *компетентности правоприменителей* и неукоснительное процессуальное выполнение ими процедуры рассмотрения ходатайств сторон о применении меры пресечения, когда обоснованное подозрение

должно являться единственным основанием для заключения под стражу, — гарантия реализации режима законности.

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Из этого конституционного принципа должны исходить и стороны по делу, когда решаются по ничтожным формальным поводам «кассировать» судебное постановление.

Во время отбытия наказания Б. заболел тяжелой болезнью, входившей в перечень заболеваний, утвержденных Правительством РФ, дающих право ходатайствовать о досрочном освобождении от наказания по болезни. Такое ходатайство, основанное на медицинском заключении комиссии врачей, суд удовлетворил в соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ, ч. 6 ст. 175 УИК РФ. Прокурор на данное постановление внес кассационное представление. Формальный повод — неудовлетворительное поведение Б. под стражей. Мотивы прокурора, возможно, имели бы значение, если бы решался вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания Б. в качестве поощрения.

Суд же разрешил ходатайство по иным указанным осужденным в заявлении правовым основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 81 УК РФ, — освобождение от наказания в связи с болезнью, препятствующей отбытию наказания. Впрочем, осужденный так и не дождался, какое же решение по делу принял суд кассационной инстанции: через четыре дня после внесенного в суд прокурорского представления Б. умер¹⁹.

Поэтому так важно, чтобы формально правильное применение норм права не превратилось в сущую несправедливость²⁰.

¹⁷ Дело №1-192/2007 г. // Архив Рузаевского районного суда РМ.

¹⁸ Ленин В. И. О государстве и праве // Сборник произведений и документов : в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 720.

¹⁹ См.: Дело № 22-1011/2010 г. // Архив Теньгушевского районного суда РМ.

²⁰ См.: Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М., 2007. С. 315.

Материалы критической направленности (рецензии и отзывы)

Л. А. Зашляпин

Перспективы правопорядка в случае нейтрализации деятельности невластного субъекта уголовного процесса

Рецензия на монографию Ю. П. Гармаева «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации»

У каждого свой тайный демон.
Влечет неумолимо он
Наполеона через Неман
И Цезаря чрез Рубикон.

В. Я. Брюсов. Наш демон

С большим вниманием в научном сообществе была встречена монография известного ученого Ю. П. Гармаева «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации» (М., 2010).

Леонид Александрович Зашляпин,
член Международной ассоциации содействия
правосудию, почетный адвокат России
zash@mail.ur.ru

Творчество данного автора вызывает различные отклики представителей наук уголовного процесса, криминалистики, теории адвокатуры. Связано это с тем, что концептуальные подходы Ю. П. Гармаева базируются на его богатом опыте следователя прокуратуры, ныне представляемом в теоретической форме, его профессиональном правосознании. Особенность этого опыта влечет особенность содержания работы, представляющей комплексное исследование уголовного закона, уголов-

но-процессуального закона, криминалистики, теории адвокатуры, уголовной политики, криминологии. Соответственно авторскому подходу монография включает разделы о пределах прав и полномочий адвоката, гарантиях их независимости; общую характеристику правонарушений, совершаемых недобросовестными адвокатами; нарушений адвокатами профессиональной этики, средств их предупреждения и нейтрализации в уголовном процессе и многое другое.

Проблематика работы исключительно широка. Каждый из ее разделов требует внимания рецензентов, поскольку влияет на развитие юридической науки. При этом мы учитываем множественные оговорки автора о признании им роли и значения адвокатской деятельности для уголовного процесса, рассмотрении им только незаконной деятельности адвокатов в уголовном процессе, фиксации принципиальных положений о невозможности распространения предлагаемых рекомендаций на законную деятельность адвокатов; его просьбу к рецензентам субъективно не расширять авторскую концепцию, чтобы использовать ее для некорректной критики.

В связи с этим объект данной статьи не сама монография Ю. П. Гармаева, а ее использование иными учеными, следующими за Ю. П. Гармаевым, фактически не включающими в свои работы оговорки об их ненаправленности (не только по букве, но и по духу) на умаление ценности деятельности адвокатов в различных уголовно-процессуальных статусах, что очень опасно по отношению к праву вообще. При этом мы не исключаем, что некоторые авторские интенции, например ставящие адвокатские образования в один ряд с правоохранительными органами на борьбу с преступлениями (с. 157), могут быть подвергнуты критике.

Для нас аксиологическая сторона деятельности адвокатов в их различных статусах в уголовном процессе безусловна. Та же практика в качестве следователя прокуратуры (к сожалению, она связана с советским периодом, что отличает наши исследования *de*

visu от подобных исследований Ю. П. Гармаева деятельности адвокатов с позиции следователя) показывала нам положительные примеры деятельности адвокатов Свердловской областной коллегии адвокатов. Наоборот, современные исследования *de visu* следственной деятельности с позиций адвокатов в различных статусах содержат множественные негативные примеры.

Исследователям проблем адвокатской деятельности в уголовном процессе важно учитывать ряд научных положений формально-логического и общетеоретического свойства.

Несмотря на простоту применения дихотомии и ее распространенности, выделение незаконной деятельности адвокатов в различных уголовно-процессуальных статусах имеет явные методологические пороки. Очевидно, что в своей совокупности незаконная и законная деятельность адвокатов в их различных уголовно-процессуальных статусах полностью охватывает объем понятия «деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве», но при этом применение дихотомии и обращение к выделенному в результате виду с элементом «не» к незаконной деятельности адвокатов оставляет совершенно неопределенной именно эту часть — незаконную деятельность адвокатов¹. Оставаясь неопределенным, объем видового понятия «незаконная деятельность адвокатов» предполагает дальнейший формально-логический произвол исследователя, формально-логическую неопределенность предмета исследования.

Примечательно, что и чувство законности автора в некоторых его оговорках указывает на проблематичность применения выделенного видового понятия «незаконная деятельность адвокатов» (с. 11, 14, 24, 32, 39, 42, 54 и др.). Без решения проблемы «незаконности» категоричные суждения об адвокатской деятельности будут представляться явно ненаучными².

¹ См.: Краткий словарь по логике / под ред. Д. П. Горского. М., 1991. С. 47–48.

² См., напр.: Калиновский К. Б. К вопросу о понятии законности в уголовном судопроизводстве // Рос. судья. 1998. № 1. С. 38.

Если применение дихотомии позволяет как-то понимать противоположные понятие в первой паре деления «законная» — «незаконная» деятельность адвокатов, то по мере удаления от первой пары это становится почти невозможным³. Неучет этого является явным нарушением методологических правил, исключаям далее рассмотрение видов, следующих в результате дихотомии за делением деятельности адвокатов на «незаконную» и «законную». Основание дихотомического деления при этом должно быть одним, иное нарушает правила деления, как следствие — влечет референциальную неочевидность смысла, закладываемого исследователем в текст, ошибочные суждения в отношении адвокатской деятельности в уголовном процессе.

Последователям Ю. П. Гармаева важно корректировать указанное обстоятельство и учитывать то, что понятия «законность» и «незаконность» адвокатской деятельности в уголовном процессе предполагают оценку самого уголовно-процессуального закона, основного закона (их норм и институтов) как законных или незаконных (конституционных или неконституционных)⁴. Это не всегда под силу авторам диссертаций и монографий, делает малоперспективными междисциплинарные исследования, включающие наряду с криминалистическими также и иные исследования. Юрисдикционная технология (криминалистические рекомендации) сама по себе должна быть законной (системно учитывающей все нормы и институты, регулирующие адвокатскую деятельность в уголовном процессе). Предложение криминалистом (особая криминалистическая герменевтика) юрисдикционных технологий на основе своего понимания права не во всех случаях будет влечь в итоге формирование оптимального правопорядка.

Применение дихотомии (как следствие неясности деления объема понятия), сопровож-

даемое суждениями, содержащими переходы из одной отрасли права в другую (с позиций общей теории права), может формировать незаконные рекомендации воздействия одного субъекта уголовного процесса на друго¹ (их борьбу между собой, а не процессуальное состязание по поводу исследуемого деяния, материалов дела), что отчасти и наблюдается в современном правоприменении и некоторых теоретических позициях. Укрепление законности (исключение незаконности) и формирование оптимального правопорядка невозможно без повышения правовой культуры, что есть тривиальность. Адвокатское сообщество само активно в этой части⁵. Это формирует проблему *ab ovo*: что является первичным для противоправных форм деятельности адвокатов в уголовном процессе — противоправность деятельности властных (профессиональных) участников уголовного процесса, детерминирующей деятельность невластных профессиональных участников, или деятельность невластных профессиональных участников уголовно-процессуальных отношений? Что является ядерным элементом систем уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального правоприменения? В контексте книги Ю. П. Гармаева, который часто использует термин «Система» с большой буквы, таковыми видятся властные участники уголовно-процессуальных отношений (с. 83, 85, 167, 189 и др.). В этом случае более актуально исследование противоправной деятельности властных участников уголовно-процессуальных отношений.

Отчасти негативный фон в научной литературе по отношению к адвокатам в их различных уголовно-процессуальных статусах связан с субъективным опытом и субъективным отношением к ним. В последующих исследованиях отчасти это может предопределяться и мнением Ю. П. Гармаева, у которого этот субъективизм фиксируется (с. 14, 48, 82,

³ См.: Краткий словарь по логике. С. 38, 47–48.

⁴ См., напр.: Элементарные начала общей теории права / под ред. В. И. Червонюка. М., 2003. С. 480.

⁵ См., напр.: Изюров Н. Н. «Менты» в адвокатуре // Бюлл. Адвокатской палаты Свердловской обл. 2008. Вып. № 2 (18). С. 21–25.

87 и др.). Профессиональные деформации (индуктивные суждения из фактов адвокатской деятельности) могут влечь особенности научной активности. Наши деформации, например, наоборот, в результате анализа существующего процессуального режима (совокупности регулятивных международно-правовых, конституционно-правовых, уголовно-процессуальных норм) влекут исследования, нацеленные на совершенствование профессионального мастерства адвокатов в уголовном процессе. Но при этом мы не следовали криминалистическому концепту о противодействии субъектов уголовного процесса друг другу (отнесли наше исследование не к науке криминалистике, как может показаться исходя из ссылки автора на с. 9, а к науке уголовного процесса), использовали юридико-технологи-

Л. А. Захляпин. Перспективы правопорядка...

ческий подход⁶. Объективно и закономерно профессиональные деформации влекут различные по содержанию формы научной активности. Однако главное состоит в том, чтобы научное творчество генерировало законные (конституционные) рекомендации. Вероятно, это — залог правопорядка, а иное — предтеча юридического произвола.

Безусловно, что для понимания реалий правоприменения в отечественном уголовном процессе монография Ю. П. Гармаева должна быть рекомендована для обязательного изучения всем адвокатам, стажерам адвокатов, юристам, желающим стать адвокатами.

⁶ См.: *Захляпин Л. А. Основные компоненты теории адвокатского мастерства в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург, 2007.*

О следующем номере

Бюллетень МАСП, в котором публикуются статьи по научным специальностям 12.00.09, 12.0011 (уголовный процесс, криминалистика, оперативно-розыскная деятельность, судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности), содержит три раздела: а) коллективное исследование определенной темы (материалы конференции); б) индивидуальные исследования авторов (свободная тематика); в) критические публикации (рецензии и отзывы на монографии, диссертации, авторефераты диссертаций и т. п.).

Весь тираж бюллетеня и расходы по его изданию распределяются между авторами. Объем статей дифференцируется в зависимости от числа символов в статьях и соответствующего размера компенсации расходов на издание.

Подробнее ознакомиться со следующим проектом можно на сайте редактора-координатора <http://zash.web.ur.ru>, сайте МАСП <http://www.iaaj.net>, сайте-комьюнити УрО МАСП http://community.livejournal.com/uro_masп

Приглашаем вас к участию в деятельности МАСП, следующем проекте бюллетеня МАСП, деятельности комьюнити УрО МАСП.